

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 3. С. 325-349.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.).

КОГДА въ 1909 г. происходилъ извѣстный монашескій съѣздъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, тогда по всей Руси святой прогремѣло имя отца Іерона—одного изъ участниковъ иноческаго синклита. Старый, согбенный лѣтами, удрученный многочисленными житейскими заботами, трудами, невзгодами..., онъ непреклонно отстаивалъ чистые иноческіе интересы, не боясь никого и ничего, не смущаясь, смѣло, твердо..., съ энергіею юношескою, голосомъ мужественнымъ. «На человѣка не зрѣлъ»... Казалось, всталъ изъ гроба одинъ изъ древнихъ представителей великаго иночества первыхъ христіанскихъ вѣковъ, временъ — преподобныхъ—Антонія Великаго, Макарія Египетскаго, Пахомія Великаго и т. под. Вниманіе всей Руси родной приковалось къ старцу. Всѣ почуяли въ немъ что-то близкое-близкое, дорогое, безцѣнное, чуждое лести, лицемѣрія, незнакомое съ искательствомъ... Всѣмъ ясно было, что ново-аѳонскаго старца ничѣмъ не подкупить, съ позиціи не сбить..., что его нельзя утратить никакими угрозами, что онъ видитъ предъ собой только одного Христа и готовъ исповѣдывать Его и словомъ, и дѣломъ... и только Его..., — что внѣ Христа и Христовыхъ заповѣдей для него ничего не существуетъ... Да, за такимъ великимъ мужемъ,—думалось,—можно смѣло слѣдовать всюду, идти твердо, безъ смущенія. И чѣмъ рѣже такіа чудныя лица встрѣчаются въ наше печальное время, въ эпоху нынѣшней расшатанности духовной, современнаго нравственнаго одича-

нія, повсюднаго фарисейства нашихъ дней..., тѣмъ болѣе они дороги, тѣмъ болѣе хочется на нихъ любоваться, ими восторгаться, восхищаться, брать ихъ себѣ въ примѣръ, въ образецъ...

Я лично крайне заинтересовался, — помню, — гигантскою духовною личностью этого участника иноческаго съѣзда, — отцомъ Іерономъ, звавшимъ всѣхъ къ древне-христіанскому монашескому идеалу, нынѣ часто-часто скрытому подъ всевозможными наслоеніями иногда далеко не-иноческаго склада... Очень хотѣлось увидѣть старца, низко-низко ему поклониться, получить отъ него благословеніе и... побесѣдовать съ нимъ. Но—увы!—желаніе такъ и осталось однимъ только желаніемъ. Попастъ на Новый Аѳонъ не удалось..., а между тѣмъ доблестный вождь иноковъ Симоно-Кананитской обители, ко всеобщему сожалѣнію, скончался..., мирно опочивъ о Господѣ... Но, если мнѣ не удалось лично познакомиться съ живымъ—о. архимандритомъ, то я рѣшилъ собрать о немъ возможно—полныя свѣдѣнія хотя бы теперь, послѣ его блаженной кончины, чтобъ всесторонне уяснить себѣ его духовный обликъ и извлечь для себя, а можетъ быть—и для другихъ хорошіе—назидательные уроки. Я обратился съ просьбою къ одному изъ иноковъ Ново-Аѳонскаго монастыря, бывшему, по дѣламъ этой обители, въ С.-Петербургѣ, къ о. іеродіакону ¹⁾ Патрикію (обычно живущему на рыбныхъ монастырскихъ промыслахъ въ «Кумбашахъ», Бакинской губерніи, Ленкоранскаго уѣзда, на Каспійскомъ морѣ). Крайне любезный и предупредительный о. Патрикій быстро устроилъ дѣло, и я получилъ изъ Ново-Аѳонскаго монастыря и печатный, и, что особенно для меня цѣнно, рукописный матеріалъ до автобіографическихъ записокъ почившаго о. Іерона включительно. Все, что мнѣ нужно, отнынѣ у меня въ рукахъ,—особенно если присоединить сюда тотъ книжный матеріалъ, какой имѣется въ столицѣ и находится въ какомъ-либо отношеніи къ характеризуемой мною выдающейся личности ново-аѳонскаго дѣятеля нашихъ дней ²⁾...

¹⁾ Нынѣ о. іеромонаху.

²⁾ Впрочемъ, печатный матеріалъ имѣлъ для насъ почти исключительно побочное лишь значеніе. Нашъ очеркъ опирается по возможности всюду на матеріалъ рукописный (въ существенномъ)... (ср. объ этомъ и ниже)...

Когда я разсматриваю фотографическіе снимки, присланные съ Новаго Аѳона, то невольно поражаюсь красотою и грандіозностью этой обители. Величественный «верхній монастырь» — сплошное великолѣбіе... Не оторвалъ бы отъ него и своихъ глазъ! «Видъ древняго храма св. Ап. Симона Кананита» переноситъ Вашу мысль далеко-далеко назадъ..., ко временамъ Самого Господа, избравшаго Своихъ Апостоловъ..., которые, затѣмъ, разсѣялись по «вселенной», чтобы уловить ее въ сѣти Христовы, и зашли даже и въ заброшенную, дикую Абхазію... О, сколь священно это мѣсто, скрывающее останки великаго Господня Ученика! «Часовня и древняя башня на вершинѣ Иверской горы»... Башня напоминаетъ о многомъ-многомъ изъ сѣдой старины... А часовня своимъ положеніемъ и своею конструкціею уноситъ Вашу мысль вверхъ — къ Богу. «Видъ съ озера на часовню у пристани» — нѣчто въ высшей степени волшебное и восхитительное! А «кипарисовая аллея къ храму» св. Ап. Симона? А такая же «аллея, ведущая къ обительскому саду», — «кипарисовая» же по бокамъ дороги къ «верхнему монастырю», — «озеро и фонтанъ», — «видъ острова и домика на озерѣ», — «водопадъ», — «монастырская пасѣка», — «пальмы въ лимонномъ саду», — «фонтанъ близъ церкви св. Симона», — «озеро за водопадомъ», — «виноградники»..., — множество монастырскихъ зданій, — пристань, «дороги»?.. Все это говоритъ о массѣ труда, энергіи, ума..., вложенныхъ здѣсь человѣкомъ, преодолевшимъ невѣроятнѣйшія трудности, поставленные ему на дорогѣ самою природою... Тамъ, гдѣ такъ еще недавно были — непроходимая глушь, пустыня, старыя развалины..., — нынѣ — чудный райскій садъ съ великолѣпными Божиими храмами, оглашаемый ангелоподобнымъ восхваленіемъ Творца и Бога... Все благоустроено, все благоукрашено... Все предусмотрено, рассчитано мудро, осторожно... Потребовалось срѣзать гору, свершить этотъ гигантскій трудъ, — человѣкъ не остановился и передъ такимъ подвигомъ... Смѣтрите на всѣ эти «виды»... и проникаетесь безконечнымъ удивленіемъ и восхищеніемъ... Но кто же, — спросите, — вложилъ во всѣ эти чудеса свой умъ, свой талантъ, энергію, любовь?.. Кто этотъ волшебникъ, превратившій дикій край въ небесное жилище?.. На эти вопросы, невольно возникающіе при созерцаніи чудныхъ ново-аѳонскихъ видовъ, отвѣчаютъ мнѣ три фотографическихъ карточки, изображающихъ одно и тоже лицо — о. Іерона, архимандрита но-

вой обители — этой жемчужины русской на Кавказѣ. Предъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами, сидитъ съ перомъ въ рукахъ старый-старый инокъ, худенькій, изможденный... и о чемъ-то думаетъ, что-то соображаетъ... При видѣ его — этого скромнѣйшаго на видъ старца въ подрясникѣ — трудно и представить себѣ, что вотъ онъ-то и есть искомый нами волшебникъ — воплощеніе ума, энергіи, преданности Христу и Его святой Церкви... А между тѣмъ это — такъ. Онъ сидитъ и, быть можетъ, обдумываетъ какое-либо сооруженіе: какую-либо плотину, мельницу..., тѣмъ болѣе, что сзади его на стѣнѣ висятъ всякія хозяйственные и т. под. приспособленія, орудія... На другой карточкѣ о. Іеронъ сидитъ, видимо, въ своей моленной, склонивъ голову внизъ и глубоко задумавшись..., видимо погружившись весь въ молитву... Божіей Матери, цѣлителю Пантелеймону..., изображеннымъ на св. иконахъ. И лишь на третьей онъ — въ «игуменскомъ» своемъ одѣяніи и съ жезломъ въ правой рукѣ... Но и здѣсь, несмотря на внушительныя регаліи на груди о. архимандрита, — его добрые-предобрые глаза сразу же показываютъ, что за человѣкъ предъ Вами...

Въ самомъ дѣлѣ, что же это за человѣкъ?!...

1. До Афона.

«Мірское» ¹⁾ имя о. архимандрита Іерона было — Иванъ Васильевичъ Васильевъ ²⁾. Родился онъ въ 1835 году. Мѣсто

¹⁾ Отсюда дальнѣйшая рѣчь наша ведется по руководству рукописныхъ автобіографическихъ набросковъ о. Іерона.

²⁾ Въ „*Душеполезномъ Собесѣдникѣ*“ (изд. „*Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря*“; 1912 г., декабрь; выпускъ 12-й; Москва) сказано, что фамилія о. Іерона „въ міру“ была „Носовъ“ (стр. 396; статья: „*Памяти почившаго старца архимандрита Іерона, игумена Ново-Афонскаго, Симоно-Кананитскаго монастыря, на Кавказѣ*“), о чемъ нислова въ автобіографіи его. Статья этого журнала объ о. Іеронѣ разногласитъ съ автобіографіей и въ другихъ отношеніяхъ: а) годомъ рожденія знаменитаго старца въ статьѣ называется не 1835-й, а 1829-й (ibid.); б) говорится, что купецъ, у котораго о. Іеронъ жилъ въ столицѣ до поступления въ монастырь, будто бы „хотѣлъ выдать за него свою единственную дочь“... (ibid.), о чемъ автобіографія молчитъ; в) она не знаетъ ничего и объ „юродивомъ Иванушкѣ“, который будто бы еще „въ домѣ родителей“ о. Іерона предсказывалъ, что послѣдній „будетъ на Афонѣ, на Кавказѣ, гдѣ станетъ церкви строить, мельницы, корпуса“... (ib.); автобіографія говоритъ въ данномъ случаѣ о другомъ „юродивомъ“ (повидимому) — Кузьмѣ, жившемъ у хозяина о. Іерона въ С.-Петербургѣ...

родины — деревня Большое Лоходомово, Костромской губернии, Буйскаго уѣзда, Кантѣевской волости. Родители — государственные крестьяне — Василій и Епистимія. Последняя была второю женою Василя. Отъ первой остался сынъ Кузьма. Отъ второй родились: пять сыновей—Василій, Иванъ, Михаилъ, Павелъ, Иванъ и дочь Пелагія. Младшимъ въ семьѣ былъ Иванъ 2-й, называвшійся, въ отличіе отъ старшаго, просто малымъ. Малюткѣ исполнилось всего лишь два съ половиной года отъ роду, какъ отецъ его умеръ. На рукахъ вдовы осталось семь человѣкъ дѣтей. Матеріальнаго достатка не было. Въ условіяхъ нужды, иногда принимавшей острый видъ, приходилось малышамъ расти и подготавливаться къ жизни... Всѣмъ, кому случалось бывать и жить въ русской деревнѣ, особенности крестьянскаго быта, конечно, хорошо извѣстны.

Главою семьи, по смерти отца, сталъ, разумѣется, старшій сынъ—Кузьма, человѣкъ вспыльчивый, строгій... Шутить не любилъ. Жить съ нимъ было очень и очень тяжело..., но мириться, конечно, волей-неволей приходилось...

Отецъ Іеронъ вспоминаетъ, что уже семилѣтнимъ малышомъ онъ долженъ былъ забыть о дѣтскихъ играхъ и забавахъ, столь свойственныхъ этому возрасту и столь для послѣдняго естественныхъ. Малому Ивану приходилось въ ту пору своей жизни не гулять на улицѣ и не играть вмѣстѣ со своими сверстниками и подобно имъ, а наравнѣ съ прочими взрослыми постоянно быть при какомъ-нибудь дѣлѣ, посильномъ для него, для его дѣтскаго организма. Лѣтомъ съ утра до вечера собиралъ въ лѣсу грибы или сдиралъ съ раkitника кору для продажи на кожевенные заводы или съ березы кору для дегтярнаго производства. Зимой прялъ куделю для толстаго холста, идущаго на мѣшки и другія, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ, вещи. Словомъ, все время проходило за дѣломъ. О праздности не было и помину. Уже въ тѣ дѣтскіе годы постепенно вырабатывался серьезный взглядъ на жизнь, на жизненные задачи...

Богомольная мать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ любила ходить въ церковь ближайшаго села Рябцева. Брала съ собою и маленькаго Ваню. А церковь,—нужно замѣтить,—находилась въ разстояніи отъ Лоходомова въ 8 верстахъ. На пути лежалъ перелѣсокъ и находилось нѣсколько рѣчекъ. Домашнія обстоятельства иногда задерживали мать и не дозво-

ляли идти въ Рябцево. Отпускать одного малыша за 8 верстъ было, конечно, нѣсколько рискованно: могъ утонуть, могъ заблудиться въ лѣсу... Но всякій знаетъ, что крестьянскія дѣти съ малыхъ уже лѣтъ ко всему привыкають и всюду могутъ ориентироваться, всюду найдутся—какъ поступить, куда идти... Ваня, посему, сталъ просить свою мать не задерживать его дома въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама не могла идти въ церковь, и отпускать его одного къ обѣднѣ: онъ-де и дорогу знаетъ, и достаточно остороженъ... Мать дала свое согласіе. И вотъ онъ, вставъ раненько, отправлялся въ путь съ маленькимъ колобкомъ въ пазухѣ. Иногда были попутчики, а иногда шелъ одинъ... и всегда приходилъ въ Рябцево задолго до звона и затѣмъ за церковною оградой ожидалъ начала службы. По окончаніи литургіи, выходилъ изъ церкви и, не останавливаясь, возвращался домой. Дорогою за селомъ, вынувъ изъ-за пазухи колобокъ, съѣдалъ его,—а придя домой, обѣдалъ...

Ванѣ очень хотѣлось учиться грамотѣ... Но уже учился старшій предъ нимъ братъ. А одновременно учить обоихъ было для матери обременительно... Учитель, просвѣщавшій деревню, былъ, конечно, изъ простыхъ лишь грамотѣевъ, каковыхъ въ тѣ времена въ глуши встрѣчалось очень и очень немного и каковыми, посему, дорожили. А школъ въ родѣ нынѣшнихъ тогда не было и въ поминѣ. Нашъ учитель взымалъ по пяти рублей на ассигнаціи съ cadaго мальчика въ зиму. За двоихъ, слѣдовательно, пришлось бы платить десять рублей на ассигнаціи, что составляло на серебро цѣлыхъ три рубля. А три рубля для того времени и особенно для бѣдной и многочисленной семьи были деньги большія. Ими моя мать, разумѣется, не располагала... Въ нашемъ селѣ училось семь мальчиковъ, между ними и мой братъ Павелъ. Такъ какъ особаго школьнаго зданія не было, то обученіе происходило въ домахъ учениковъ. Учитель приходилъ въ избу одного изъ своихъ семи школяровъ, куда собирались и прочіе ученики, и здѣсь велъ свое дѣло въ теченіе недѣли. На слѣдующую недѣлю преподаваніе переносилось въ домъ другого ученика и т. д. По истеченіи семи недѣль повторялся прежній порядокъ... Седьмая недѣля обычно приходилась на нашъ домъ, рассказывалъ Ваня. Я, говорилъ онъ, всегда радовался, когда учились у насъ, потому что чему либо могъ научиться и самъ, научиться хотя бы контрабандой, такъ какъ учиться съ другими я не имѣлъ права безъ предварительнаго взноса условленной за обученіе

платы. Какъ уже сказано, Ваня зимой всегда занимался пряжей кудели для толстаго холста. Ежедневно онъ долженъ былъ напярсть опредѣленное количество нитокъ и вечеромъ показывать результаты своего дневного труда, такъ сказать, сдавалъ экзаменъ, отдавалъ отчетъ... И вотъ, когда мальчики учились въ нашемъ домѣ,—говорилъ Ваня,—я въ теченіе всей недѣли неотлучно сидѣлъ за своею пряжею позади школяровъ и съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ то, чему они учились. А какъ только учитель за чѣмъ либо, бывало, выйдетъ изъ избы, хотя бы на самое малое время, я, не пропуская секунды, подбѣгалъ къ учившимся и упрашивалъ ихъ показать мнѣ что-либо изъ азбуки. Спрашивалъ ихъ: какая буква—азъ, какая—буки, какая—глаголь, какая—добро и т. д.? Мальчики охотно показывали, торопясь, пока не вернулся учитель,—и какъ только отворялась дверь, я моментально садился за свою работу. Впрочемъ, иногда учитель, случалось, замѣчалъ, что школяры занимались со мною. Тогда онъ строго взыскивалъ съ нихъ за самовольство и за потерю времени. Ученье продолжалось только зимою: съ «Покрова» или даже и съ болѣе поздняго времени и до Пасхи. Чтò могли ученики узнать за это время, то зналъ и я. Во время праздниковъ и въ воскресные дни охотно показывалъ мнѣ мой братъ, какъ могъ и что зналъ самъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ желанія учиться, учился плохо, а за лѣто забывалъ и то, что успѣлъ узнать зимой, такъ что въ концѣ концовъ мнѣ же приходилось учить его и заставлять его повторять то, что онъ училъ въ истекшую зиму. Не умѣлъ онъ пользоваться представившимся ему счастьемъ—учиться. А я, понемногу кое чему научившись,—насколько могъ, читалъ въ свободное время книги, какія оказывались подъ рукою въ деревнѣ,—но съ тѣмъ вмѣстѣ не оставлялъ и ежедневныхъ обычныхъ работъ, выпадавшихъ на мою долю.

Когда мнѣ шелъ 12-й годъ,—пріѣхалъ изъ Питера мой братъ Василій, умѣвшій не только читать, но и писать. Это меня крайне заинтересовало. Мнѣ очень хотѣлось узнать, какъ пишутъ... Я просилъ своего брата поучить меня письму, но, къ сожалѣнію, въ нашемъ домѣ не имѣлось ни бумаги, ни чернилъ. Впрочемъ, бѣду кое-какъ поправили: чернила сдѣлали изъ сажи, перо нашлось куриное; отыскали у сосѣдей и три листа простой писчей бумаги. Братъ принялся за обученіе. Были исписаны всѣ три листа, на чемъ дѣло и остановилось.

по необходимости, но нѣкоторый успѣхъ все же былъ, конечно, достигнуть.

Семья наша, какъ и сказано уже, была довольно велика. Я былъ еще малъ для тяжелыхъ полевыхъ работъ..., и толку отъ меня оказывалось не много. Посему мать и отдала меня на 12-мъ году одному родственнику съ тѣмъ, чтобъ онъ отвезъ меня въ Питеръ и тамъ или оставилъ бы у себя, или передалъ бы кому-либо другому... Все чему-нибудь да научился бы я, а главное—дома лишній ротъ не требовалъ бы хлѣба. Мать любила меня больше другихъ своихъ сыновей и не скрывала этого. За то ей приходилось часто выслушивать укоры отъ пасынка, бывшаго въ семьѣ, какъ и сказано, за «старшѣго». На работу-де насъ мало, попрекалъ онъ, а за столъ садится много. Вотъ, чтобы утолить братній гнѣвъ, меня и послали въ столицу...

Взявшій меня съ собой родственникъ, по пріѣздѣ въ Питеръ, не оставилъ у себя, а отдалъ въ желѣзную лавку въ услуженіе безъ всякаго за то жалованья и, при томъ, на четыре года, лишь бы кормили меня, да одѣвали. Мой небогатый хозяинъ, по истеченіи года, долженъ былъ прекратить свою торговлю и передалъ меня другому хозяину на тѣхъ же условіяхъ. Съ моими личными чувствами, конечно, не справлялись, да и считали излишнимъ дѣлать это. Другой—новый хозяинъ былъ, въ свою очередь, тоже не изъ богатыхъ, но торговое дѣло велъ честно. Во всѣ праздничные и воскресные дни записывалъ свою лавку и со всѣми своими домашними ходилъ къ литургіи неопустительно. Это мнѣ нравилось въ высшей степени.

У своего новаго хозяина ¹⁾ я прожилъ три года. Онъ былъ уже старъ и самъ былъ почти уже неспособенъ къ торговлѣ. Во всемъ полагался на своего приказчика, жившаго у него давно (былъ когда-то взять еще мальчикомъ), да и бывшаго землякомъ, слѣдовательно, до нѣкоторой степени близкимъ человекомъ. Но вотъ этотъ приказчикъ почему-то сталъ капризничать и даже оскорблялъ своего хозяина, его благодѣтельствовавшаго. Изумленный хозяинъ сталъ дѣлать ему замѣчанія, а приказчикъ, въ отвѣтъ на послѣднія, началъ требовать раз-

¹⁾ По словамъ „Петербургскаго Листка“, это былъ купецъ, торговавшій во „Введенскомъ рынкѣ“ (1912 г., № 225 за 17-е августа; статья: „Архимандритъ от. Геронъ“—В. П—ва)...

счета и заявилъ, что жить у него больше не желаетъ. Послѣ неоднократныхъ столкновѣній, выведенный изъ терпѣнія хозяинъ, наконецъ, разсчиталъ приказчика и приказалъ мнѣ занять его мѣсто, т. е., быть въ лавкѣ за старшаго. А какимъ я могъ быть старшимъ, когда мнѣ было еще только какихъ-либо 14 лѣтъ (здѣсь въ автографѣ, вѣроятно, ошибка: Ваня на 12-мъ году уѣхалъ въ СПбургъ; здѣсь прожилъ годъ у одного хозяина и три года у другого, послѣ чего ему было предложено мѣсто старшаго приказчика; Ванѣ было лѣтъ 15 по меньшей мѣрѣ,—шелъ 16-й годъ)... Но, сколько я ни отказывался отъ предлагаемаго мнѣ старшинства, все было напрасно: хозяинъ заставилъ меня быть главнымъ его приказчикомъ, между тѣмъ какъ помощниками моими оказались приказчики, много меня старшіе. И такъ, все было довѣрено мнѣ. Самъ хозяинъ въ такой степени полагался на меня, что въ тѣхъ случаяхъ, когда бралъ изъ выручки деньги, говорилъ мнѣ, сколько онъ возьмѣтъ...

Въ такомъ положеніи я прожилъ 15 лѣтъ. Сдѣлался за это время, такъ сказать, вполне своимъ у хозяевъ. Люди посторонніе не хотѣли и вѣрить, что я—чужой хозяину человѣкъ, а не сынъ. Въ теченіе этого времени положеніе мое, какъ главнаго приказчика, заставило меня вести книги. И я понемногу научился писать, помимо всякихъ грамматикъ,—какъ Богъ помогъ, просто самоучкой.

Изъ пережитаго мною за то время помню, между прочимъ, слѣдующее. На 14-мъ году своей жизни, незнаю—какъ, я привыкъ непрестанно творить про себя Іисусову молитву,—и это продолжалось цѣлый годъ. Товарищи, замѣчая, что я постоянно что-то шепчу про себя, прозвали меня шептуномъ. Но я не открылъ имъ того, что шепталъ, и съ неизмѣннымъ терпѣніемъ переносилъ всѣ ихъ насмѣшки...

Между тѣмъ торговое дѣло шло хорошо. Съ каждымъ годомъ прибыль умножалась. Естественно, что хозяинъ и хозяйка относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ и съ самыми родственными чувствами, опасаясь, чтобъ я не перешелъ къ какому-либо другому купцу... Они надѣялись на меня вполне, и я, насколько было то возможно, старался заслужить, оправдать... ихъ лестное для меня довѣріе...

Однако, хотя я и торговалъ уже давно, но сердце мое совсѣмъ не лежало къ торговлѣ. Мнѣ хотѣлось какого-то иного образа жизни. Но я никакъ не могъ себѣ уяснить, чего

ищетъ моя душа... Однажды, въ то время, какъ я раздумывалъ и мысленно спрашивалъ себя: чего мнѣ недостаетъ и почему я никакъ не могу полюбить торговаго дѣла, хотя всѣ меня любятъ и уважаютъ, да и торговля идетъ хорошо, — я вспомнилъ случай изъ дѣтской еще моей жизни. Когда мнѣ было еще только семь лѣтъ отъ роду, моя мать ходила въ монастырь преподобнаго Геннадія ¹⁾ на богомолье и, возвратившись домой, рассказывала о томъ, что видѣла тамъ интереснаго. Между прочимъ, она говорила, что видѣла въ монастырѣ пѣвшихъ мальчиковъ... и слышала ихъ пѣніе. Какъ только я услышалъ о мальчикахъ,—помню,—сейчасъ же спросилъ, что это за мальчики, которые допущены въ церковь обительскую пѣть?.. Мать мнѣ просто сказала: да что-жъ тутъ удивительнаго? Еслибъ вотъ и ты захотѣлъ жить въ монастырѣ, то и тебя нарядили-бы въ черный кафтанъ, длинный-длинный, да опоясали-бъ чернымъ ремнемъ. Вотъ и ты сталъ бы такой же, какъ и они—тѣ мальчики. Въ отвѣтъ на слова матери я замѣтилъ, что готовъ поступить въ монастырь. Пошлите меня туда, и я буду жить тамъ. Мать сказала, что теперь Ванѣ еще не время, и на этомъ разговоръ сомной и прекратила и дальше стала продолжать бесѣду съ чужими, окружавшими ее и разспрашивавшими...

Мой хозяинъ, какъ и сказано уже, былъ человѣкъ старый. Дѣтей мужескаго пола у него не было. Посему былъ принятъ имъ и усыновленъ подкинутый кѣмъ-то къ дверямъ дома мальчикъ—еще младенецъ въ пеленахъ. Это случилось во время ихняго деревенскаго праздника, когда и гости, и хозяева были уже нетрезвы. Какъ только увидѣли они, что къ нимъ подкинутъ младенецъ, подняли крикъ и, видимо, сильно перепугали младенца, который такъ и остался на всю жизнь зайкою и не съ полнымъ разумомъ. Его имя—Кузьма. Онъ жилъ въ Питерѣ, но какимъ-либо дѣломъ, напр., торговымъ, заниматься не могъ. Мнѣ было поручено надзирать за нимъ, чтобъ онъ не избаловался. Кузьма и очень боялся меня, и уважалъ. Много было положено труда на то, чтобъ дать ему образованіе, но

¹⁾ Это, вѣроятно, „Любимскій Спасо-Геннадіевъ монастырь“, ярославской губ., любимскаго уѣзда, „основанный въ 1505 г. преп. Геннадіемъ, ученикомъ преп. Корнилія Комельскаго“ (см. Л. И. Денисова „Православные монастыри Россійской Имперіи“; Москва, 1908 г., стр. 920—921). „Мощи преп. Геннадія, обрѣтенныя 19 августа 1644 г.“ (а онъ скончался „23 янв. 1565 г.“), „покоятся подъ спудомъ“...

безуспѣшно: съ трудомъ могли только выучить его читать, да и то плохо, а писать не могли научить никакъ. На этомъ его образованіе и остановилось. По своему характеру Кузьма былъ страннымъ и непонятнымъ. Постоянно задумывался. Встанетъ, бывало,—задумается и не видитъ, что около него дѣлается. За столомъ во время обѣда или ужина тоже или задумается, или тихо про себя смѣется. Онъ вообще принималъ очень мало пищи и безъ всякой жадности... Смотри на него, я думалъ, что онъ юродствуетъ, чтобы такимъ путемъ скрыть свой духовный подвигъ. Онъ не читалъ никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ,—и если, бывало, я иногда стану ему читать что либо изъ житій св. угодниковъ Божіихъ, то онъ всегда слушалъ съ такимъ напряженіемъ, что забывалъ все и готовъ былъ внимать читаемому хотя бы цѣлыя сутки,—и внималъ напряженно... Никогда не задремлетъ... Не пропуститъ, бывало, ни одного воскресенья, ни одного праздника: всегда въ такіе дни приходилъ въ церковь къ службѣ. Войдетъ, выберетъ себѣ мѣстечко, гдѣ поменьше народа, станетъ, устремивъ глаза на св. иконы, истово крестится, кладетъ низкіе-низкіе поклоны въ продолженіе всего Богослуженія и не подумаетъ переминаясь съ ноги на ногу, чтобъ хоть немного отдохнуть отъ продолжительнаго стоянія,—не сдвинется съ мѣста, весь уйдетъ въ себя, никого не замѣчаетъ изъ стоящихъ около него... По окончаніи службы возвращается домой. Здѣсь ни къ кому не проявлялъ такого расположенія, какъ ко мнѣ, но, съ другой стороны, никого и не боялся такъ сильно, какъ меня же. Не смотря на свою молодость, я серьезно смотрѣлъ на жизнь. И мнѣ очень хотѣлось предохранить Кузьму отъ дурныхъ дѣлъ. Поэтому за всякій неприличный поступокъ я обычно или упрекалъ его, или даже наносилъ ему побои, надѣясь такимъ путемъ не допустить его до повторенія подобныхъ вещей. Всякій разъ, какъ онъ проявлялъ непослушаніе въ отношеніи къ своимъ родителямъ,—а это съ нимъ бывало,—даже и они обычно угрожали ему, что пожалуются мнѣ — Ивану. И этого было достаточно для того, чтобъ Кузьма укротился... Для меня онъ такъ и остался какой-то загадкой. Постникъ строгій, подвижникъ—аскетъ...—онъ представлялся мнѣ, какъ и сказано, юродивымъ, но твердо въ томъ я не былъ увѣренъ. Если я наказывалъ его, онъ обычно ничего не говорилъ въ свое оправданіе, а лишь твердилъ: «вотъ все я», повторяя эти слова много-много разъ и всегда выводя меня этимъ изъ терпѣнія.

Но, что бы я ни дѣлалъ съ нимъ въ такихъ случаяхъ, онъ и сквозь слезы, бывало, все повторяетъ непрерывно одно и тоже: «все—я», «все—я»... А иногда повторяетъ съ прибавленіями: «двери—я», «все—я», «окошко—я», «печка—я», «все, что только есть, все—я» и т. д. И трезвонить своимъ языкомъ безъ конца. Если я въ этихъ случаяхъ молчу, на-время задумается и Кузьма, а потомъ опять начинаетъ свой обычный трезвонъ. Надоѣстъ до послѣдней степени. Бывало, начну упрашивать его деликатно, чтобъ пересталъ раздражать меня своимъ трезвономъ. Но все было напрасно. Кузьма какъ заладитъ свое: «все—я», такъ и твердить, твердить неумолчно. Такую наведетъ тоску, такъ разстроитъ..., что иногда я даже билъ въ такіе моменты... этого не то полоумнаго, не то юродиваго «звонаря»...

Однажды въ воскресный день, когда мнѣ шелъ уже 20-й годъ отъ рожденія, на меня напала невыносимая скука. Мнѣ неудержимо хотѣлось куда-либо уѣхать..., тѣмъ болѣе, что у меня вообще никогда не было расположенія и склонности къ торговлѣ, какую по необходимости пока занимался. Мнѣ постоянно хотѣлось чего-то другого, но чего именно, я никакъ не могъ уяснить себѣ этого. Родные всячески старались склонить меня къ женитбѣ, но безуспѣшно: мои желанія были иныя... Въ упомянутое воскресенье съ тоскою на сердцѣ я вышелъ за ворота своего жилища, остановился и долго самъ съ собою раздумывалъ глубоко-глубоко о томъ, что мнѣ дѣлать. Вѣдь ужъ пора была избрать окончательно какой-либо опредѣленный родъ жизни, на чемъ-либо твердо остановиться. Стою и думаю... Ко мнѣ подошелъ нашъ сосѣдъ—купеческій сынъ, человѣкъ набожный, образованный и уже семейный. Онъ ударилъ меня по плечу. А когда я оглянулся,—спросилъ, о чемъ я такъ задумался? Николай Григорьевичъ,—говорю ему,—на меня напала такая тоска, что не знаю, какъ и отдѣлаться отъ нея. А откуда она явилась, не знаю... Но ничто мнѣ не мило. Вотъ я нарочно ушелъ отъ другихъ подальше, чтобъ здѣсь наединѣ съ собой подумать, поразсудить о причинѣ моей тоски,—гдѣ она? Мой собесѣдникъ, слушая меня, вздохнулъ, прослезился и сказалъ: о, еслибъ ты зналъ мою скорбь, какъ я тоскую!.. Только я никому, какъ говорится, не подаю и виду. Молчу и нерѣдко сквозь слезы даже веселюсь. Мнѣ дѣваться некуда: связанъ по рукамъ и ногамъ. Много разъ приходила въ голову даже мысль—наложить на себя руки, чтобъ избавиться отъ угнетающей меня скорби. Вѣдь я не

хотѣлъ и жениться, но меня принудила мать. Жена мнѣ не по сердцу; дѣти умножаются; торговое дѣло наше разстраивается, не смотря на то, что я, какъ ты самъ видишь, всегда занимаюсь имъ усердно; капиталъ значительно уменьшается, хотя я никогда и не трачу денегъ по-пусту... Еслибъ я, подобно тебѣ, былъ холостъ, то ушелъ бы на Аѳонскую гору святую. Никому бы и не сказалъ объ этомъ. Такъ говорилъ мнѣ Николай Григорьевичъ. А когда я спросилъ его: да гдѣ же находится Аѳонская гора,—онъ отвѣтилъ: въ Турціи. А кто тамъ живетъ,—продолжалъ я свои вопросы... Да развѣ ты не читалъ книги Святогорца ¹⁾),—отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ. Я сказалъ: нѣтъ. Такъ вотъ почитай,—говорилъ мой сосѣдъ,—тогда узнаешь, какъ тамъ живутъ и какъ спасаются. Узнаешь, что эта гора—жребій Божіей Матери, что по всей горѣ живутъ только одни монахи, проводя время въ строгихъ и суровыхъ подвигахъ, и что въ ихъ числѣ—много и русскихъ. Я спросилъ своего собесѣдника: а какъ туда проѣхать? Вѣдь нуженъ заграничный паспортъ, а получить его такъ, чтобъ о томъ не узнали ни мать моя, ни мои родственники, невозможно... Какъ же тутъ быть? Николай Григорьевичъ сказалъ на это, что горе не столь велико: можно проѣхать на Аѳонъ и тайно изъ Одессы или другихъ приморскихъ городовъ. Слѣдуетъ узнать, какое отходитъ туда судно,—затѣмъ—уговориться съ капитаномъ, и онъ преисправно провезетъ потихоньку, никто и не узнаетъ. На Аѳонской же горѣ никакихъ «видовъ» не спрашиваютъ. Дѣло въ томъ, слѣдовательно, чтобъ только проѣхать туда благополучно.

Все, что говорилъ мнѣ мой сосѣдъ, я близко принималъ къ сердцу. Сталъ серьезно думать объ Аѳонѣ и о путешествіи туда. Наконецъ, твердо рѣшилъ отправиться въ Одессу и оттуда тайно проѣхать на святую гору.

¹⁾ О немъ см., напр., у Брокгауза-Ефрона (въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, полут. 57; Спб. 1900 г., стр. 267), гдѣ названы и его труды: „Письма къ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аѳонской“ (Спб. 1850 г.),—„Путеводитель по св. горѣ Аѳонской и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей“ (Спб. 1854 г.),—„Аѳонскій Патерикъ“... (Спб. 1860 г.),—„Русскій Пантелеймоновъ монастырь на св. Аѳонской горѣ“ (Спб. 1854 г.), „Шестнадцать писемъ Св. о св. горѣ Аѳонской“ и др. Разговоръ, передаваемый нами, происходилъ въ 1854—1855 гг. Посему разумѣется въ данномъ случаѣ одна изъ книгъ Святогорца, вышедшая не позже этой поры...

Я привелъ въ порядокъ всѣ дѣла по лавкѣ, какія на мнѣ лежали,—чтобъ не возникло потомъ, по моемъ удаленіи, какихъ-либо недоразумѣній при подведеніи торговыхъ итоговъ,—взялъ изъ кассы сумму, какая мнѣ причиталась, въ качествѣ жалованья, за мою службу и, никому ничего не сказавъ, покинулъ и свою торговлю, и Петербургъ и направился въ Кіевъ и Одессу.

Добрался до Кіева, помолился святынямъ и затѣмъ достигъ и Одессы. Здѣсь началъ разыскивать отходившее въ Турцію судно, но безуспѣшно. Прошло въ поискахъ двѣ безплодныхъ недѣли. Въ одинъ день по обыкновенію пришелъ на морскую пристань и спрашиваю о судахъ: не отправляется ли какое-нибудь на Аѳонъ или хотя бы въ Константинополь? Неожиданно подошелъ ко мнѣ довольно пожилой человѣкъ, повидимому—монахъ и, какъ бы читая въ моей душѣ, сказалъ: что, братъ,—вижу, что хочешь проѣхать на Аѳонъ, а заграничнаго паспорта, вѣроятно, не имѣешь, да, можетъ быть, не испросилъ на то и родительскаго благословенія?.. Не такъ ли? Такъ вотъ что посовѣтую тебѣ: сначала возьми-ка у родителей своихъ благословеніе, а потомъ и отправляйся съ Богомъ. А иначе,—хотя бы ты и уѣхалъ на Аѳонъ,—будешь тосковать, и не будетъ мира въ твоей душѣ. Сказалъ онъ это и сейчасъ же скрылся. Куда,—такъ я и не могъ узнать, а между тѣмъ очень хотѣлъ его видѣть, чтобъ разспросить и развѣдать что-либо объ Аѳонѣ и тамошней жизни. Но слова монаха произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, и я постепенно пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно безъ родительскаго благословенія не будетъ никакого успѣха въ предпринятомъ мною дѣлѣ. Посему я рѣшился—возвратиться обратно въ Петербургъ... Это для меня было очень тяжело: я сгоралъ отъ стыда за то, что сдѣлалъ, и не могъ себѣ представить, какъ явлюсь на глаза своему хозяину послѣ тайнаго отъ него ухода... Но другого исхода для меня, однако, не было... Приходилось возвращаться. Вернулся... И при первомъ свиданіи не было и конца удивленію хозяина по поводу всего со мною случившагося. Выслушавъ меня, онъ очень сожалѣлъ объ одномъ,—о томъ, что подалъ «объявленіе» о моемъ исчезновеніи и паспортъ мой передалъ въ полицію, какъ то и другое и требовалось, конечно... Оставить меня у себя безъ паспорта естественно боялся. А потому и далъ мнѣ совѣтъ —ѣхать домой въ деревню, взять паспортъ и съ нимъ возвращаться

въ столицу на прежнее мѣсто—къ нему въ лавку. Снабдилъ меня необходимыми денежными средствами на дорожные расходы, и мы разстались.

На родинѣ нашелъ всѣхъ въ удрученномъ состояніи. Родные мои сѣтовали и недоумѣвали, не зная, что со мной случилось, куда я пропалъ... Моей матери въ это время не было дома: она ушла на богомолье по монастырямъ, чтобъ успокоить свою душу... Когда я неожиданно явился домой, родственники встрѣтили пропавшаго съ радостными слезами. А мнѣ самому было крайне стыдно и неловко смотрѣть въ глаза имъ и рассказывать о своей тайной отлучкѣ. Но пришлось все претерпѣть,—дѣваться было некуда... Вѣсть о моемъ возвращеніи разнеслась быстро... И моя мать, услышавъ объ этомъ, поспѣшила возвратиться домой. Я подождалъ ее и видѣлъ, когда она подходила къ нашему селенію. Забывъ о своей старости и немощахъ, она съ каждою минутою старалась учащать свои шаги и на ходу часто крестилась, благодаря Всевышняго за мое возвращеніе. Когда она входила въ домъ, я вышелъ къ ней на встрѣчу, пальъ къ ея ногамъ и просилъ прощенія за то, что причинилъ ей столько горя и скорби своимъ тайнымъ бѣгствомъ изъ Петербурга въ Одессу,—бѣгствомъ, всюду огласившимся и навлекшимъ безславіе на весь нашъ родъ. Она же отъ избытка радостныхъ чувствъ и отъ душившихъ ее слезъ не могла ничего говорить и только обнимала меня и цѣловала... Успокоившись, наконецъ, она стала высказывать предо мною свою скорбь, вызванную моею отлучкой,—прибавляла при этомъ, что уже не надѣялась когда-либо меня увидѣть, но что теперь неизреченно рада моему возвращенію, столь неожиданному... Я, чтобъ усугубить ея радость, передалъ ей всѣ свои денежные сбереженія, припрятанныя мною на черный день въ книгахъ, оставленныхъ мною въ родномъ домѣ. Возвратившись домой, я прежде всего отыскалъ мой сундукъ съ книгами, коего, уѣзжая въ Петербургъ, я настойчиво просилъ домашнихъ своихъ не трогать. Книгъ, правда, осталось уже немного, но, тѣмъ не менѣе, уцѣлѣли тѣ изъ нихъ, въ которыхъ спрятаны были мною когда-то деньги, чему я былъ очень радъ. Иначе нечѣмъ было бы порадовать мнѣ своей старой матери. Вѣдь явиться въ деревню съ голыми руками было бы во всякомъ случаѣ не очень то утѣшительно... Шатался, молъ, человекъ по бѣлу свѣту безъ дѣла и безъ толку... Деревня смотритъ на все это очень строго...

И такъ, я водворился на родинѣ. Но мое прежнее намѣреніе уѣхать на Аѳонъ не оставляло меня и здѣсь даже и на минуту. Все зависѣло лишь отъ моей матушки: необходимо было получить ея благословеніе, безъ котораго я ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы привести въ исполненіе свое давнишнее и пламенное намѣреніе. Начать съ матерью разговоръ объ этомъ я не рѣшался. А вдругъ разъ на-всегда категорически откажетъ? Какъ тутъ быть? И вотъ я сталъ втайнѣ молиться Богу, просить Его о томъ, чтобъ матушка сама начала со мною разговоръ объ этомъ. Мое желаніе исполнилось. Однажды, затворившись въ отдѣльной комнатѣ, я молился Господу все о томъ же. Вдругъ неожиданно вошла ко мнѣ мать. Я постарался ничѣмъ не обнаружить того, что молился. Повернулся къ ней въ почтительной позѣ и ожидалъ, что она скажетъ. А она посмотрѣла на меня очень-очень внимательно и спросила: Ваня, скажи ты мнѣ откровенно, будешь ли жениться? Мы—родные твои—много разъ приготавливали тебѣ невѣсть, а ты каждый разъ уклонялся подъ тѣми или другими предлогами. Вопросъ былъ предложенъ слишкомъ прямо, и я очень этому обрадовался, надѣясь, что, наконецъ-то, все дѣло исполнѣ выяснится. Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—не имѣю намѣренія жениться. Такъ что же,—спросила меня матушка,—быть можетъ, желаешь уйти въ монастырь и стать монахомъ? Да,—сказалъ я,—желалъ-бы быть инокомъ. Матушка, видимо, ожидала этого отвѣта,—задумалась на нѣскольکو минутъ, перекрестилась и потомъ сказала грустно: жаль мнѣ тебя, Ваня! Ты знаешь, что я любила тебя больше всѣхъ моихъ дѣтей, а въ особенности люблю теперь, когда всѣ твои братья поженились и живутъ уже своими семьями, а ты остался единственнымъ моимъ утѣшеніемъ... Тяжело мнѣ, посему, разставаться съ тобою. Но, тѣмъ не менѣе, не возбраню тебѣ на такое святое дѣло... Снова призадумалась она и затѣмъ сквозь слезы сказала: какая буду я счастливая мать, если ты станешь монахомъ! Прочія дѣти мои служатъ Царю земному и живутъ въ міру на-ряду со всѣми «мірскими». А ты будешь служить Богу. Ты знаешь, какой обширный нашъ родъ, но изъ него, однако, никто еще доселѣ не былъ монахомъ,—ты первый хочешь этого... Если ты настаиваешь на своемъ рѣшеніи, то... Богъ съ тобою. Я не возбраняю... Я до безконечности былъ обрадованъ такимъ поворотомъ дѣла и сказалъ: благослови же меня теперь, матушка, своимъ материнскимъ благословеніемъ.

Она взяла св. икону святителя Николая Чудотворца. Я пальницъ. Матушка сдѣлала святою иконою надъ моей головой троекратное крестное знаменіе,—вручила мнѣ икону и сказала: Ваня, я благословила тебя на монашество. Если хочешь, то иди въ монастырь хотя-бы сейчасъ или вообще—когда вздумаешь. Я поклонился ей до земли, поцѣловалъ ея руку и попросилъ ея святыхъ молитвъ на приведеніе въ исполненіе задуманнаго мною дѣла. Я не скрылъ отъ матушки, что хочу уѣхать на Афонъ и что, посему, мнѣ необходимъ заграничный паспортъ. Я и просилъ ея исходатайствовать послѣдній у Начальства. Матушка готова была оказать мнѣ всякую помощь. Но сначала посовѣтовала мнѣ поговѣть и приобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ. Дѣло происходило на сырной недѣлѣ...

На первой седмицѣ Великаго поста я и матушка отправились говѣть, а потомъ предполагали съѣздить въ волостное Правленіе за паспортомъ. Но одно предполагали, а другое случилось. Я желалъ исповѣдаться у священника подольше и полнѣе и потому выжидалъ, когда онъ всѣхъ отпуститъ и освободится... и можетъ спокойно заняться мною. Подошелъ къ нему. Священникъ какъ будто зналъ, какой исповѣди я желаю, и исповѣдывалъ меня неторопливо по требнику, а въ концѣ исповѣди соросилъ: не намѣренъ ли я уйти въ монастырь и стать монахомъ? Мнѣ не хотѣлось, чтобъ другіе узнали о моихъ намѣреніяхъ, но скрыть о нихъ предъ духовникомъ я, разумѣется, не могъ и потому сказалъ ему: да,—я намѣренъ поступить именно такъ. Священникъ, однако, не одобрилъ моего намѣренія, но, указывая на мою молодость, совѣтовалъ жениться,—а потомъ,—прибавилъ онъ,—если будетъ Богу угодно, то окажешься и въ монастырѣ, послѣ того какъ поживешь семейно въ міру. Арсеній Великій,—говорилъ батюшка,—поступилъ въ монастырь уже 45-и лѣтъ отъ роду ¹⁾. Сдѣлай такъ же и ты. Теперь ты еще очень молодъ. А доживешь до 45-и лѣтъ, тогда и можешь поступать въ монастырь... Слушая духовника, я совсѣмъ растерялся. Его совѣты совершенно не отвѣчали моимъ намѣреніямъ. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что нужно послушаться батюшки: вѣдь онъ говорилъ въ храмѣ Божіемъ, облеченный въ епитрахиль, предъ св. крестомъ и

¹⁾ Слѣдовало сказать: 40-а (см.. напр., архіеп. Сергія „Полный Мѣсяцесловъ Востока“... Т. II: „Святой Востокъ“; 2 е изд. Владимірь, 1901 г., стр. 172) (ср. 1-й т. „Православной Богословской Энциклопедіи“, изд. проф. А. П. Топухина; Спб. 1900 г., col. 1052—1054)...

Евангеліемъ Христовымъ. Я сталъ просить у него окончательнаго и рѣшительнаго совѣта, какъ у духовника, чтобъ знать, какъ же мнѣ поступить? Вѣдь я,—говорилъ ему,—завтра намѣренъ ѣхать въ Правленіе за паспортомъ, такъ какъ считалъ это дѣло рѣшеннымъ для себя. Но батюшка твердилъ все одно и тоже, т. е., упорно совѣтовалъ до 45-и-лѣтняго возраста въ монастырь не поступать... Пришлось послѣдовать его совѣту. Я вышелъ отъ него. На душѣ моей чувствовалась какая-то большая радость, но съ примѣсью скорби, сомнѣнія... Все перемѣшалось, и у меня какъ будто бы исчезли и моя воля, и мой разумъ...

На слѣдующій день я пріобщился Св. Христовыхъ Тайнъ. Пріобщилась и моя матушка. Вышли изъ церкви. Мать поздравила меня съ принятіемъ Св. Тайнъ и спросила: ну, что же, Ваня? Быть можетъ, пойдемъ въ Правленіе прямо отсюда? И чувствовалъ себя крайне неловко. Но рассказалъ о томъ, что совѣтовалъ мнѣ духовникъ, указывавшій мнѣ на мою молодость и рекомендовавшій жениться. Матушка на это сказала: Ваня,—я, конечно, буду очень рада, если ты останешься дома, но отнынѣ на это будетъ уже твоя только воля... Отъ тебя только уже будетъ зависть—теперь или когда-либо послѣ уйти въ монастырь и постричься. Отъ меня благословеніе тебѣ уже дано. Разсуждай о себѣ самъ...

Вернулись домой. Я получилъ съ почты два письма изъ Петербурга. Мой хозяинъ просилъ меня немедленно пріѣхать въ столицу: самъ-де онъ заболѣлъ, и дѣла его торговыя, поему, разстраивались. Въ этомъ приглашеніи я нашелъ самый благопріятный выходъ изъ моего страннаго положенія въ деревнѣ. Въмѣсто заграничнаго паспорта я взялъ обычный—годовой и заявилъ матушкѣ, что отлагаю свое намѣреніе касательно Аеопа на годъ, — а что будетъ потомъ—черезъ годъ...—это знаетъ только одинъ Богъ. Онъ все и устроить къ лучшему.

Въ столицѣ хозяева встрѣтили меня съ необыкновенною радостью и въ день моего пріѣзда просили взяться, немедленно, за управленіе всѣми ихъ торговыми дѣлами. Послѣднія, какъ и прежде, пошли очень успѣшно... Въ теченіе двухъ недѣль я былъ веселъ. А потомъ напала на меня такая ужасная тоска, что я не зналъ, какъ отъ нея и избавиться. А главное: не могъ дать себѣ яснаго отчета въ ея возникновеніи. Дѣла шли, какъ и сказано, прекрасно. Слѣдовало бы, кажется, только радоваться. А между тѣмъ тоска мучила непрерывно

и въ особенности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда я не былъ занятъ торговлей. Въ эти дни я обычно уходилъ послѣ обѣда въ лѣсъ, иногда на Крестовскій островъ, и тамъ проводилъ въ слезахъ всѣ остальные часы дня до вечера. Наплачусь досыта и къ вечеру возвращаюсь домой. Такъ продолжалось въ теченіе всего лѣта до осени. Послѣ обильныхъ слезъ мнѣ всегда становилось легче...

Въ одинъ изъ подобныхъ дней, ходя по лѣсу, я уже достаточно наплакался и въ своемъ уединеніи сталъ тщательно пскать причины моей скорби, объясненія мучившей меня тоски. Тамъ усердно помолился я Богу среди деревьевъ, прося Господа, чтобъ Онъ не допустилъ чему-либо худому случиться со мною и чтобъ указалъ мнѣ путь ко спасенію. Въ эти минуты какъ будто бы кто-то сказалъ мнѣ съ удивленіемъ: да зачѣмъ ты ищешь причины своей скорби? Развѣ ты не взялъ у своей матери благословенія на монашескую жизнь, о которой прежде такъ много и такъ сильно думалъ? А теперь, послѣ того какъ заручился материнскимъ благословеніемъ, ты медлишь идти въ монастырь?! Какъ только услышалъ я этотъ внутренній голосъ, внушавшій мнѣ, вразумлявшій..., — очень обрадовался, истово перекрестился и твердо рѣшилъ съ этой же минуты непремѣнно и энергично хлопотать о заграничномъ паспортѣ, чтобы, получивъ его, сейчасъ же и ѣхать на Афонъ. Тоска моя исчезла... На другой же день я написалъ матушкѣ письмо, прося ее выхлопотать мнѣ нужный паспортъ. При этомъ я присоединялъ, что меня приглашаютъ съ собою ѣхать въ Іерусалимъ купцы, которые-де берутъ на себя и всѣ путевые расходы, лишь бы только я отправился съ ними. Я просилъ матушку по возможности ускорить высылку паспорта, боясь, что купцы уѣдутъ безъ меня...

Матушка, получивъ мое письмо, немедленно же принялась за хлопоты... Но окончить дѣло скоро было, конечно, невозможно. Требовалась публикація о неимѣніи препятствій къ моему выѣзду; нужно было выполнить и другія, необходимыя въ подобныхъ случаяхъ, формальности... Въ ожиданіи паспорта я приводилъ всѣ свои торговые дѣла въ надлежащій порядокъ, желая, чтобъ мой хозяинъ, по моемъ отъѣздѣ, не потерпѣлъ какого-либо ущерба отъ неясности счетовъ, книгъ и пр. Это не укрылось отъ хозяйскаго глаза, и хозяинъ прямо спросилъ меня, зачѣмъ я это дѣлаю... Я далъ уклончивый отвѣтъ. А между тѣмъ получилъ отъ матери письмо, извѣ-

щавшес, что скоро будетъ высланъ заграничный паспортъ. Такимъ образомъ оставалось только одно затрудненіе: какъ сказать хозяину, что покидаю его, послѣ того какъ прожилъ у него всю свою жизнь, начиная съ дѣтства, такъ что многіе, какъ и сказано, не хотѣли и вѣрить тому, что я былъ ему чужой,—не сынъ... Обидѣть добрыхъ людей, у которыхъ я выросъ, не хотѣлось. Какъ тутъ быть? По обычаю я обратился съ молитвой къ Богу... Мнѣ хотѣлось, чтобъ хозяева чѣмъ-либо меня оскорбили: легче было-бъ уходить отъ нихъ...

Вотъ что произошло дальше, по Божьей волѣ.

Былъ праздникъ. Хозяева ушли въ гости. Вечеромъ дома остались только мы двое: я и приемышь Кузьма. Я сидѣлъ въ залѣ, а онъ—въ кухнѣ, отдѣленной отъ зала прихожей комнатою. Оба молчали. Я думалъ все объ одномъ: дождусь ли заграничнаго паспорта и уѣду ли на Аѳонъ? Раздумываю, сокрушаюсь сердцемъ... и какъ будто вотъ—вотъ жду извѣщенія. Вдругъ Кузьма вскочилъ со своего стула, заскакалъ, измѣнился въ лицѣ, замахалъ руками, прибѣжалъ въ переднюю и закричалъ: я поѣду за границу, буду на Кавказѣ, я буду..., все—я! При его словахъ: «поѣду за границу» я подумалъ, что Кузьма отвѣчаетъ на задуманный мною вопросъ. Желая узнать отъ него что-либо болѣе ясное и опредѣленное, я подошелъ и, какъ будто шутя, сталъ его спрашивать: ужели, Кузьма, ты вздумалъ ѣхать за границу? Кузьма же съ обычнымъ ему своеобразнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: да, я поѣду за границу, на Кавказъ и проч. Когда я улышалъ слово «Кавказъ», то подумалъ: пѣтъ, это относится не ко мнѣ,—вѣдь я о Кавказѣ и не помышлялъ. Потомъ, послѣ непродолжительнаго размышленія, я спросилъ его: а когда же поѣдешь? Кузьма сейчасъ же сказалъ: въ февралѣ мѣсяцѣ. Тогда я предложилъ ему новый вопросъ: а заграничный паспортъ у тебя есть? Я думалъ, что онъ скажетъ о моемъ паспортѣ, котораго съ нетерпѣніемъ я ждалъ изъ деревни. Однако, Кузьма оставилъ мой вопросъ безъ всякаго отвѣта... Пришелъ въ свое обычное настроеніе и сталъ отпѣкиваться незнаніемъ, говоря: нѣтъ, Иванъ, я—дуракъ и ничего не знаю,—не помню, чтѣ говорю... Тѣмъ все и окончилось. Послѣ я думалъ, что о моемъ намѣреніи ѣхать за границу, на Аѳонъ,—извѣстномъ только мнѣ одному,—быть можетъ, Богъ открылъ Кузьмѣ... Станнымъ и непонятнымъ мнѣ казалось только одно: зачѣмъ онъ говорилъ тутъ еще о Кавказѣ? Вѣдь на Кавказъ я не собирался...

Тѣмъ не менѣе Кузьма оказался пророкомъ. Мнѣ пришлось уѣхать на Аѳонъ дѣйствительно въ февралѣ. Не говорю уже о томъ, что не миновать я въ послѣдствіи и Кавказа, относительно котораго теперь недоумѣвалъ.

Въ Александро-Невской Лаврѣ въ то время жили для «сбора»... аѳонскіе иноки—іеромонахъ Макарій и схимонахъ Селевкій. Черезъ одного молодого человѣка я познакомился съ ними и открылъ имъ о своемъ желаніи уѣхать на Аѳонъ... и стать инокомъ. Обое совѣтовали мнѣ осуществить мое желаніе безотлагательно, пока я не женатъ и свободенъ отъ мірскихъ узъ. Между тѣмъ матушка выслала мнѣ заграничный паспортъ. Прямо съ почты я отнесъ его въ Лавру къ аѳонскому о. іеромонаху Макарію и отдалъ ему на храненіе, боясь оставить у себя изъ опасенія потерять и остерегаясь, какъ бы снова не явилось какой-либо для меня помѣхи къ отъѣзду на Аѳонъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, хозяева мои были у кого-то въ гостяхъ. Вернулись домой не совсѣмъ трезвые, стали капризничать и даже оскорблять меня, чего раньше никогда еще не случалось... Я очень обрадовался этому случаю, дававшему мнѣ благовидный поводъ отказаться отъ службы у хозяевъ, и немедленно же отправился въ Лавру къ аѳонскимъ монахамъ.

Іеромонахъ Макарій снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ аѳонскимъ старцамъ, далъ необходимыя наставленія и указанія... И въ февралѣ 1862 года я отправился въ путь.

Сначала направился въ Кіевъ. Тамъ говѣлъ... Исповѣдывался у духовника Выдубицкаго монастыря—о. іеросхимонаха Іоны. Въ ту пору онъ еще только собирался строить свой скитъ. Отецъ Іона почему-то былъ предубѣжденъ противъ староаѳонскихъ старцевъ—о. о. Макарія и Іеронима и совѣтовалъ мнѣ лучше ѣхать въ Бѣлобережскій монастырь (орловской губ., брянскаго уѣзда). Въ послѣдствіи, впрочемъ, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, и мнѣ на Аѳонѣ самому лично пришлось видѣть и читать письмо его къ этимъ двумъ старцамъ, о которыхъ онъ отзывался уже съ любовію о Христѣ и къ которымъ онъ относился уже съ глубокимъ почтеніемъ. Въ Кіевѣ же своимъ отзывомъ о старцахъ о. Іона ввелъ меня въ большое сомнѣніе... И я рѣшилъ продолжать свое путешествіе на Аѳонъ только благодаря тому, что случившійся въ то

время въ Кіевѣ одинъ купеческій сынъ, бывшій инокъ афонскаго Пантелеимонова монастыря, по имени Павелъ—очень сильно хвалилъ этотъ монастырь, какъ самый лучший для спасенія души.

Изъ Кіева я прибылъ въ Одессу, гдѣ и прописалъ свой заграничный паспортъ. Море въ это время замерзло. Посему пришлось жить въ Одессѣ недѣлю, пока не получилась возможность выѣхать пароходу изъ гавани. На Афонъ былъ назначенъ пароходъ «Олегъ». Кое-какъ проломали ледъ въ морѣ на большомъ-таки пространствѣ, и лишь послѣ этого пароходъ выбрался на «свободную» воду, послѣ чего благополучно прибылъ въ Константинополь.

Здѣсь отвели намъ мѣсто въ «русскомъ агентствѣ»—въ сараѣ. Пришлось испытать ужасный холодъ... и вспомнить о теплыхъ помѣщеніяхъ на покинутой родинѣ. Прожили въ сараѣ четыре дня. Потомъ продолжали путь на св. гору.

Половину дороги проплыли благополучно, но въ теченіе второй насъ ужасно трепала морская буря. Качка была очень сильная; не прикрѣпленныя къ палубѣ вещи снесло въ море; пароходъ заливало волнами. Пассажиры чувствовали себя плохо. Я вышелъ на палубу, отыскалъ узкій проходъ между какими-то частями парохода, уперся въ одну сторону прохода спиной, а въ другую руками и въ такомъ положеніи кое-какъ держался..., хотя и съ большимъ трудомъ. Капитанъ, помню, смотрѣлъ на меня съ любопытствомъ...

Но, тѣмъ не менѣе, доплыли до св. горы... Вотъ и монастырь св. Пантелеимона. Съ берега были посланы къ пароходу двѣ лодки съ монахами. Но съ одной изъ нихъ случилось несчастье: почти у самого парохода нашего ее перевернуло волной. Изъ двухъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ, монаховъ одинъ успѣлъ ухватиться руками за пароходный канатъ, и его подняли на пароходъ, а другой остался въ морѣ. Это былъ о. Гавріиль. Лодку унесло. Другая лодка успѣла удержаться за пароходный канатъ и уцѣлѣла. Но, при подобныхъ условіяхъ, нечего было и думать о перевозкѣ пассажировъ на берегъ. Поэтому уцѣлѣвшую лодку привязали къ пароходу, а иноковъ вмѣстѣ съ пассажирами повезли въ Салоники. Оттуда они и могли вернуться въ свою обитель... Монахъ Гавріиль, однако, не утонулъ, къ удивленію... По истеченіи нѣкотораго времени, мы увидѣли его на поверхности воды, но оказать ему помощь съ парохода не успѣли; затѣмъ онъ снова пока-

зался, и мы снова безуспѣшно пытались ему помочь, послѣ чего онъ, казалось, ушелъ на глубину, ко дну,—а глубина здѣсь доходила до 70 сажень. Всѣ крайне сожалѣли о гибели монаха, котораго не могли спасти. Подбоцманъ спустился на канатѣ къ самой водѣ и повисъ надъ нею въ ожиданіи появленія о. Гавріила на поверхности. Ждали и другіе, готовые каждую минуту подать помощь. Спустя нѣкоторое время, монахъ дѣйствительно показался; ловкій и мужественный подбоцманъ успѣлъ схватить его за руку и, при помощи другихъ, вытащилъ утопленника на пароходъ. Къ сожалѣнію, о. Гавріиль казался уже мертвымъ. Но бывшіе на пароходѣ два врача не хотѣли мириться со смертію инока,—постарались согрѣть его, выкачать изъ него воду и пр.,—и онъ, къ общей радости, ожилъ. У меня былъ новый «романовскій» полушубокъ. Я съ радостью отдалъ о. Гавріилу. Послѣдній въ немъ согрѣлся и оправился совсѣмъ... Между тѣмъ въ обители узнали, что лодка перевернулась. Ее потомъ выбросило на берегъ,—выбросило и камилавку о. Гавріила. Отсюда и заключили, что онъ утонулъ. Сейчасъ же стали молиться объ упокоеніи его души...

Между тѣмъ мы прибыли въ Салоники. Здѣсь намъ пришлось жить цѣлую недѣлю въ ожиданіи возвращенія парохода, на которомъ (а не другимъ какимъ-либо путемъ) мы хотѣли достигнуть Аѳона. Въ это время случилось мнѣ въ первый разъ увидѣть смертную казнь преступника—убійцы. У него отсѣкли голову. Убійца-преступникъ былъ турокъ. Занимался портняжнымъ ремесломъ и торговалъ одеждой. Онъ убилъ портного же—грека-христіанина за то, что тотъ требовалъ съ него долгъ. Убивъ, закопалъ жертву во дворѣ своего дома. Но все это видѣлъ одинъ еврей. Послѣ убитаго остались—жена и двѣ дочери—невѣсты. Жена очень горевала о пропавшемъ мужѣ. Два дня бесплодно разыскивали его. Еврей пришелъ ко вдовѣ и заявилъ, что за вознагражденіе скажетъ, гдѣ ея мужъ... Получивъ деньги, онъ открылъ истину, но просилъ не выдавать его, боясь, что иначе убьютъ и его. Онъ посоветовалъ вдовѣ взять чиновника и свидѣтелей, какихъ хочетъ, и отправиться съ ними въ домъ этого турка—портного. Пусть произведутъ у него обыскъ. А я,—говорилъ еврей,—въ это время стану ходить по двору и, гдѣ останавлиюсь и постою, тамъ и копайте и найдете убитаго. Такъ и сдѣлали. Нашли убитаго,—посадили убійцу въ тюрьму, а

потомъ судили его и приговорили къ смертной казни. Описываю этотъ случай подробно потому, что, по словамъ грековъ, то былъ первый примѣръ столь суроваго наказанія турками турка за христіанина, съ которыми раньше вообще не церемонились нисколько. Греки теперь возликовали по поводу проявленія турками справедливости, столь неожиданной и диковинной. Осужденнаго привели на мѣсто казни изъ тюрьмы мимо базара... На небольшую площадь. Руки убійцы были связаны за спиной веревкой, за конецъ которой держался солдатъ-турокъ. За ними шли—чиновникъ, долженствовавшій прочитатъ приговоръ, и нѣсколько солдатъ. Ноги преступника были свободны. На площади поставили убійцу и передъ нимъ жену убитаго и обѣихъ ея дочерей на разстояніи отъ преступника около двухъ сажень. Чиновникъ развернулъ большой и крупно исписанный листъ и сталъ громко читать, что турокъ за совершенное имъ убійство осужденъ на смертную казнь,—но что вдовѣ предоставлено право взять съ убійцы извѣстную сумму денегъ, если только она захочетъ, послѣ чего преступникъ былъ бы освобожденъ отъ смерти. Было предложено вдовѣ назвать, если желаетъ она, ту сумму, какую хотѣла бы получить съ убійцы. Но вдова не захотѣла идти ни на какія сдѣлки и требовала смертной казни преступника. Предложеніе было повторено до трехъ разъ, но съ одинаковымъ результатомъ. Тогда, наконецъ, судья далъ знакъ, по которому приговоръ слѣдовало привести въ исполненіе. Подошелъ мулла, что-то поговорилъ осужденному, далъ ему что-то выпить и отошелъ. Потомъ подошли два солдата: одинъ долженъ былъ совершить казнь, а другой обнажить шею убійцы. Преступникъ былъ человѣкъ высокаго роста и здоровый дѣтина. Увидѣвъ поднятый надъ нимъ мечъ, онъ бросился бѣжать по направленію къ женщинамъ; а женщины въ испугъ побѣжали, въ свою очередь, отъ него. Произошелъ переполохъ. Солдатъ не могъ удержать убійцу. Тогда чиновникъ выхватилъ пистолетъ и уже хотѣлъ стрѣлять. Но, къ счастью, тутъ же были еще другихъ четыре солдата. Изъ нихъ одинъ, такой же рослый и сильный, быстро подбѣжалъ и ударилъ убійцу сзади подъ колѣнками столь сильно, что послѣдній упалъ на колѣна... И въ тотъ же мигъ другой солдатъ дважды ударилъ преступника мечемъ по шеѣ. Однако, не могъ отрубить головы прочь; она повисла, а казненный упалъ... Зрѣлище было отвратительнѣйшее. Трупъ лежалъ на мѣстѣ казни въ томъ же

положеніи, въ какомъ преступникъ упалъ, въ теченіе трехъ часовъ... Этотъ случай крѣпко—крѣпко засѣлъ въ моей памяти... И не могу о немъ не вспомнить въ настоящій разъ...

Послѣ недѣли ожиданія увидѣли желанный пароходъ, прибывшій въ Салоникскую гавань,—сѣли на него и благополучно прибыли на св. Аѳонъ *).

Профессоръ А. Бронзовъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 4. С. 458-468.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.) *).

II. На Аѳонѣ ¹⁾).

МЕНЯ вмѣстѣ съ тонувшимъ о. Гавріиломъ повели къ старцу-духовнику о. Іерониму ²⁾. При видѣ о. Гавріила, онъ очень обрадовался. Ну,—слава Богу,—ты живъ. А

*) Продолженіе. См. мартъ.

¹⁾ Очень интересны и поучительны книги объ Аѳонѣ: напр., *„Сочиненія святогорца—письма къ друзьямъ... о Святой Горѣ Аѳонской“*... (Спб. 1873 г.; изд. 5; т. 1—2); В. Г. Барскаго *„Первое посѣщеніе св. горы Аѳонской“* (годъ изд. не указанъ); *„Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской“* (изд. 7-е, Москва, 1886); инока Парвонія *„Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ“* (1—4 ч. Москва, 1855); архим. (потомъ епископа) Порфирія Успенскаго *„Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты“* (ч. 2; Кіевъ, 1877) (*„Приложенія“*..., Москва, 1881 г.),—его же *„Второе путешествіе по святой горѣ Аѳонской“*... (Москва, 1880 г.),—его же *„Востокъ христіанскій. Аѳонъ языческій“* (Кіевъ, 1877 г.),—*„Аѳонъ христіанскій“*... (К., 1877 г.).—*„Аѳонскій Патерикъ или жизнеописаніе святыхъ, на святой Аѳонской горѣ просіявшихъ“* (ч. 1—2, изд. 6, Москва, 1890 г.); проф. А. А. Дмитріевскаго *„Русскіе на Аѳонѣ“* (Спб. 1895 г.); проф. И. И. Соколова *„Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи“* (Спб. 1904 г.); архим. Леониды *„Русскій монастырь св. Пантелеимона—Русикъ“* (годъ изд. не указанъ); проф. И. И. Соколова *„Аѳонъ“* (*„Правосл. Богосл. Энциклоп.“*; т. 2, Спб. 1901 г. Указана литература объ Аѳонѣ); *„Любителя истины“* *„По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона“* (Спб. 1874 г.); монаха русскаго на Аѳонѣ монастыря Пантелеимона (Сапожникова): *„Письма съ Аѳона о современныхъ подвижникахъ Аѳонскихъ“* (Кіевъ, 1871 г.) и весьма мног. друг.

²⁾ Скончался 14 ноября 1885 г. Объ этомъ замѣчательномъ русскомъ инокѣ, „жившемъ на Аѳонѣ 49 лѣтъ“ и скончавшемся „на 83

мы уже поминаемъ тебя за-упокой. Думали, что ты утонулъ. О. Гавріилъ сталъ рассказывать о томъ, что съ нимъ случилось. Только по Вашимъ, батюшка, молитвамъ я и уцѣлѣлъ, говорилъ о. Гавріилъ. Я уже совѣмъ и не надѣялся остаться живымъ. Когда перевернуло лодку, я пошелъ ко дну. Было очень глубоко. Дойдя до дна, я сталъ пытаться выплыть на-верхъ, гдѣ,—подумалъ я,—быть можетъ, подадутъ помощь. Свободно сталъ подниматься... Достигнувъ поверхности воды, хотѣлъ-было за что-либо ухватиться, но сильная буря не позволила сдѣлать этого, и я не могъ долго держаться на водѣ... Снова пошелъ внизъ. На днѣ морскомъ вода стала душить меня, и я уже достаточно ея набрался. Думалъ: тутъ мнѣ и конецъ. Вѣроятно, и всѣ, кто потонулъ, такъ-же-де мучились. Господи...,—размышлялъ я,—прожилъ въ монастырѣ 25 лѣтъ... и вотъ пришлось утонуть въ морѣ... За какіе грѣхи? А впрочемъ, что мнѣ спрашивать объ этомъ? Вѣдь вся моя жизнь была нерадива... и Богу, видно, угодно, чтобы я утонулъ... Но одного жаль,—того, что, отправляясь въ море, я не взялъ у старцевъ благословенія, и что они, узнавъ о моей гибели, будутъ обо мнѣ скорбѣть... Но что я медлю на днѣ морскомъ? Попытаюсь снова всплыть на-верхъ. Можетъ быть, за что-либо тамъ и ухвачусь... И опять свободно сталъ подниматься на поверхность. Поднялся, оказался около парохода, ухватился за винтъ; но въ этотъ моментъ пароходъ далъ ходъ; меня оттолкнуло, и я опять пошелъ внизъ. Тяжко... Мучительно... Воздуху не хватаетъ. Соленая вода вызываетъ тошноту. Глаза рѣжутся... Сталъ въ душѣ взывать къ св. великомученику Пантелеймону, прося его помощи ради молитвъ моихъ святыхъ духовныхъ отцовъ... Силы мои, между тѣмъ,

году" жизни, чит. брошюру: *„Иеросхимонахъ Іеронимъ, духовникъ русскаго на Афонской гортъ Пантелеимонова монастыря“* (Москва, 1887 г.)—А. Ковалевскаго; чит. еще у проф. А. А. Дмитриевскаго въ его книгѣ: *„Русскіе на Афонѣ“* (Спбургъ, 1895 г.; гл. 5—6, 10 и др.; приложение 2: *„Автобіографія о. Іеронима, духовника русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Афонѣ“*); см. у И. Н. въ сочин. *„Абхазія и въ ней Ново-Афонскій Симоно-Кананитскій монастырь“* (Москва, 1899 г., стр. 316—321 и др.): О. Іеронимъ во-истину „кедръ благосѣбнолиственный, подъ тѣнью котораго возрасли и расцвѣли духовно многіе подвижники; это былъ вождь духовный“... (стр. 3 у А. Ковал-го)... Чит. еще *„Инокъ Парвенія „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ“*; ч. 4-я, Москва, 1855 г., § 181, стран. 264—270 и др. (указаны въ первомъ подстрочн. примѣч. на стр. 270-й).

совершенно ослабили. И я рѣшился еще разъ всплыть на поверхность не для того, однако, чтобы ухватиться за что-либо и попытаться спастись,—ни на что подобное я уже не рассчитывалъ,—а для того, чтобъ оповѣстить «отцовъ», что тону. Хотѣлось проститься и попросить прощенія. Хотѣлось крикнуть о томъ, чтобы они передали старцамъ, что я утонулъ. Снова поднялся на-верхъ, сложилъ руки, поднося ихъ надъ головой и кричу «отцамъ», бывшимъ на пароходѣ: простите, отцы святыя! Утопаю. Помолитесь обо мнѣ грѣшномъ... Я не пытался уже ни за что хвататься. И въ этотъ-то моментъ подбояманъ схватилъ меня за руки... Я потерялъ сознаніе и не помню, что было дальше. Очнулся въ «матросской», гдѣ около меня суетились докторъ и прислуга, приводившіе меня въ чувство... И вотъ теперь по Вашимъ молитвамъ св. великомученику Пантелеймону я живъ... О. Гавріилъ отрекомендовалъ меня старцу-духовнику о. Іерониму и прибавилъ: вотъ, батюшка, Иванъ Васильевичъ обогрѣлъ меня; далъ мнѣ свой полушубокъ,—а то у меня все было мокрое,—и поддержалъ мою жизнь. О. Іеронимъ похвалилъ меня: ну, вотъ ты сдѣлалъ доброе дѣло, помогъ въ нуждѣ человѣку. Да вознаградить тебя Богъ,—сказалъ онъ мнѣ. При этихъ его словахъ я передалъ ему рекомендательное письмо изъ Петербурга отъ о. Макарія. Старецъ прочиталъ и, какъ бы отвѣчая на содержаніе письма, проговорилъ: хорошо, иди въ архондарикъ. Тутъ же стоялъ архондаричный отецъ Антоній. Привелъ меня въ архондарикъ, далъ чаю и прочаго, что мнѣ было нужно... И такимъ образомъ я водворился на Аеонъ.

На слѣдующій день я пошелъ въ келью, находившуюся въ церкви на хорахъ, гдѣ батюшка—о. Іеронимъ обычно исповѣдывалъ. Сталъ проситься у него въ число монастырской братіи. Старецъ совѣтовалъ не торопиться и хорошенько осмотрѣться. Но мнѣ все монастырское очень понравилось, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ своего зачисленія въ составъ братіи. На другой день, посему, снова сталъ проситься у о. Іеронима. Но старецъ мнѣ указалъ на то, что у нихъ жизнь трудна, что они-де и сами едва ее выносятъ... А ты-де,—говорилъ онъ мнѣ,—ступай лучше въ Андреевскій скитъ. Тамъ жить легче, удобнѣе; тамъ нѣтъ грековъ, а одни лишь русскіе... Однако, я стоялъ на своемъ. Упорно просился въ его монастырь, говоря, что ни въ какой другой болѣе не пойду,—что я и ѣхалъ на Аеонъ съ однимъ намѣреніемъ—

поступить въ Пантелеимоновскую именно обитель и въ ней спастись. Но батюшка все же не соглашался и раздумывалъ цѣлую недѣлю...

Началось всенощное бдѣніе на воскресенье. Я снова пошелъ къ батюшкѣ о. Іерониму. Пришелъ въ его келью. А у него сидѣлъ и о. Макарій ¹⁾. Прощусь въ обитель... Батюшка, обращаясь къ о. Макарію, говоритъ: никакъ отъ него не отобьешься,—просится каждый день; шелъ бы въ другіе монастыри и осмотрѣлъ бы ихъ, и, гдѣ понравилось бы, тамъ бы и остановился. Вѣдь ты,—спросилъ онъ меня,—нигдѣ еще не былъ? Я снова повторяю прежнее: батюшка, да я прямо сюда именно ѣхалъ, а не въ другой какой-либо монастырь..., и если Вы не примете меня, то возвращусь обратно въ Россію. Тогда о. Макарій что-то тихо сказалъ о. Іерониму..., а этотъ послѣдній, обратившись ко мнѣ, произнесъ: ну, иди! Молись! Я повернулся и пошелъ въ церковь. А здѣсь въ продолженіи всего бдѣнія, дѣйствительно, молился и такъ усердно, что не замѣтилъ, какъ оно и окончилось... Никакъ, однако, не могъ усноковаться, думая: принять ли я въ обитель, или нѣтъ?

На другой день послѣ обѣда я проходилъ корридормъ мимо кельи о. Макарія. Тутъ стоялъ и о. Іеронимъ. Съ трепетомъ сердечнымъ подошелъ я къ нему, сдѣлавъ поклонъ и жду, не скажетъ ли чего яснѣе по поводу вчерашней моей просьбы... О. Іеронимъ ласково благословилъ меня..., очень ласково... Въ это время шелъ по лѣстницѣ мимо насъ «рухольный». Батюшка подозвалъ его къ себѣ и сказалъ: отецъ Гурій, дай Ивану Васильевичу подрясникъ. Тотъ отвѣтилъ: благословите! Потомъ принесъ ко мнѣ въ номеръ старый крапенинный подрясникъ, башмаки, чулки, шапку, поясъ... Ну вотъ, братъ Иванъ Васильевичъ,—сказалъ онъ мнѣ при этомъ,—подрясникъ и раска тебѣ старая,—надѣвай, да спасайся, смирайся и трудись. Я поблагодарилъ о. Гурія, взялъ принесенныя имъ вещи,—надѣлъ на себя подрясникъ, башмаки, раску..., и до такой степени мнѣ все это понравилось, что я не зналъ,

¹⁾ Впослѣдствіи игуменъ Пантелеимоновскаго монастыря — ученикъ о. Іеронима, „пользовавшійся большою извѣстностью и глубокимъ уваженіемъ не только на св. горѣ Аѳонской и въ своемъ отечествѣ“ (Россіи), „но и въ странахъ иновѣрныхъ“... Игуменствовалъ съ 1875 г. Скончался „19 іюня 1889 г.“ См. цитов. соч. проф. А. А. Дмитріевскаго, специально посвященное собственно рѣчи объ о. Макаріи. См. цит. книгу И. Н., стр. 321—329...

какъ и нарадоваться монастырской одеждѣ... Я былъ уже увѣренъ, что я—монастырскій послушникъ, а не просто паломникъ, случайно лишь и временно живущій на св. горѣ Афонской...

Первое послушаніе я проходилъ въ кельѣ св. Евѣимія ¹⁾. Мнѣ жилось тамъ очень хорошо. Я съ усердіемъ копалъ землю и по окончаніи работы всякій разъ упрекалъ себя за то, что мало сдѣлалъ,—что мое «содержаніе» стоитъ дороже и что, посему, остаюсь въ долгу предъ своею совѣстью... Хотя мой старецъ о. Иродіонъ, подъ руководствомъ котораго я находился, всегда благодарилъ меня за то, что я будто бы очень усердно работалъ, но его похвалы я объяснялъ скорѣе его добротою, чѣмъ моими заслугами.

Спустя нѣкоторое время, я былъ переведенъ на братскую кухню. Нравилось очень мнѣ и здѣсь. Завѣдывавшій кухней старецъ—грекъ о. Филиппъ велъ строгую жизнь и давалъ прекрасный примѣръ подчиненнымъ. Здѣсь я прожилъ около шести мѣсяцевъ.

Отсюда меня назначили въ литографію, а чрезъ три мѣсяца перевели келейникомъ къ незабвенному отцу Макарію, о которомъ уже было упомянуто выше.

14-го Марта 1864 г., по благословенію геронта Герасима, я былъ постриженъ въ монашество и облаченъ въ мантию. Постриженіе совершено отцомъ Макаріемъ, тогда еще іеросхимонахомъ. Я получилъ имя Іерона. Въ 1866 году былъ рукоположенъ во іеродиакона, а во іеромонаха—23-го Марта 1875 года. Мнѣ было назначено «послушаніе»—должность помощника казначея. Въ отсутствіе же о. казначея я занималъ и его должность и несъ обязанности монастырскаго эконома.

«Братія» Пантелеимоновскаго монастыря (какъ и нынѣ) состояла, какъ уже сказано, изъ грековъ и русскихъ. До 1875 г. игуменомъ (геронтомъ) обители болѣе 60 лѣтъ былъ

¹⁾ Это—келлія „Преподобнаго Евѣимія Великаго, въ двухъ верстахъ отъ монастыря св. Пантелеимона на сѣверо—западъ, съ большимъ огородамъ. Церковь прежде была во имя св. Іоанна Предтечи, но когда пришла въ ветхость, возобновлена русскимъ монахомъ Иринеємъ (въ схимѣ Евѣиміемъ), скончавшимся 8 сент. 1865 г.“ (см. „Русск. монаст. св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на святой горѣ Афонской“; 7-е изд. Москва, 1886 г., стран. 162).

столѣтній старецъ—грекъ о. Герасимъ¹⁾. Въ его и грековъ распоряженіе передавались всѣ довольно щедрыя пожертвованія, въ то время поступавшія изъ Россіи въ пользу св. обители. Но управленіе русскою «братією» геронтъ передалъ двумъ старцамъ изъ русскихъ: упомянутымъ выше—духовнику о. іеросхимонаху Іерониму и ученику его и ближайшему помощнику—о. Макарію. Оба эти старца, однако, во всемъ подчинялись геронту Герасиму, хотя русскихъ иноковъ въ монастырѣ было и много больше, чѣмъ грековъ. Должно быть, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, изъ опасенія, чтобъ, по смерти геронта, игуменство и первенство въ обители не перешло къ русскимъ, греки рѣшили между собою выжить изъ обители всѣхъ русскаxъ. Хитрыми происками чрезъ вліятельныхъ лицъ изъ грековъ же они добились въ протатѣ (верховномъ духовномъ Правленіи на Аѳонѣ) постановленія въ ихъ пользу, по ихъ желанію. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ актъ, скрѣпленный числившимися тогда въ протатѣ игуменами 14-ти аѳонскихъ монастырей, при чемъ приложены были каждымъ и ихъ печати. Всѣхъ въ протатѣ было 20 представителей отъ святогорскихъ монастырей. Слѣдовательно, актъ былъ не подписанъ только шестью представителями отъ остальныхъ, состоявшихъ въ протатѣ, монастырей (и между ними Пантелеимоновскаго). Рѣшено было протатомъ, чтобы Пантелеимоновскій монастырь болѣе не назывался русскимъ, — чтобъ, за неспособностью будто бы русскихъ управлять монастыремъ, въ немъ игуменомъ всегда былъ грекъ,—чтобъ

¹⁾ О немъ см., напр., у проф. А. А. Дмитріевскаго: стран. 82 цит. его сочиненія. Особенно чит. инока Парвонія *„Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ“*; ч. 4; Москва, 1855 г. § 180, стр. 260—264. Ср. ч. 3-ю, М. 1855 г., стр. 64., § 75... О томъ, что о. Герасимъ былъ „игуменомъ“ „болѣе 60-и лѣтъ“, о. Іеронъ говорилъ, вѣроятно, на основаніи слуховъ, ходившихъ среди братіи, очень преувеличенныхъ... Какъ извѣстно, „1832 г., февр. 16“ была получена „грамота изъ общаго управленія св. горы отцамъ Русика, побуждающая ихъ избрать игумена своему монастырю“... (см. книгу: *„По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона“* — „Любителя истины“; Спб. 1874 г., стр. 140). „18 февр.“ былъ избранъ „іеромонахъ Герасимъ“ (стр. 141). „Въ 1833 году“ получена была „грамота вселенскаго патріарха Константія, подтверждающая... избраніе Герасима въ игумены“ (стр. 144) и данная „въ мѣсяцъ мартъ, индиктіона 6-го“ (стр. 150). До 1875 года, слѣдовательно, протекло не „болѣе 60-и лѣтъ“, а гораздо меньше: 43—только...

«братія» русская во всемъ ему подчинялась и чтобъ игумену было предоставлено право уменьшать ее—братію, согласно его соображеніямъ и расчетамъ,—высылать излишнихъ изъ обители и т. п. Такъ открыто формулировалось опредѣленіе протата. А тайно было предположено всю русскую братію отвезти на турецкомъ пароходѣ въ Малую Азію и оставить въ какомъ-нибудь пустомъ монастырѣ. Когда для объявленія этого акта прибыли въ монастырь 6 человекъ изъ числа членовъ протата и когда была собрана вся старшая братія,—то старецъ о. Геронимъ, а съ нимъ и всѣ русскіе—отказались подписаться въ томъ, что актъ былъ имъ объявленъ, прочитанъ, и заявили, что игуменъ долженъ назначаться по общему избранію всей братіи обители, безъ различія, будутъ ли то греки или русскіе,—а что объявляемаго имъ нынѣ акта протата они не признаютъ и не принимаютъ... И съ этимъ ушли изъ архондарики, гдѣ братія въ настоящій разъ была собрана для вышеназванной цѣли. Греки, такимъ образомъ, и на этотъ разъ оказались греками, оправдывавшими выданную имъ русскимъ лѣтописцемъ аттестацію...

Вскорѣ послѣ этого о. Макарій, уже въ теченіе двухъ лѣтъ состоявшій,—по желанію престарѣлаго геронта Герасима и по избранію всей обительской братіи,—намѣстникомъ,—отправился въ Константинополь къ патріарху ¹⁾, захвативъ съ собою древніе акты, по коимъ монастырь былъ отданъ русскимъ еще въ 1169 году ²⁾. Первый главный актъ объ этомъ на пергаментѣ былъ подписанъ въ названномъ году 28-ю игуменами и представителями аеонскихъ монастырей.

Въ Константинополѣ патріархъ, однако, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не допускалъ къ себѣ досточтимого о. Макарія. И, должно быть, только благодаря воздѣйствію русскаго посланника—графа Н. П. Игнатьева, принимавшаго въ русскихъ естественное участіе, патріархъ, наконецъ, призвалъ къ себѣ о. Макарія и сказалъ ему, что онъ—патріархъ—былъ введенъ въ заблужденіе греками, невѣрно освѣтившими ему русскихъ и ихъ дѣятельность. Патріархъ взялъ у о. Макарія монастырскіе документы, рассмотрѣлъ ихъ потомъ и, потребовавъ чрезъ нѣсколько дней его къ себѣ вторично, прямо ска-

¹⁾ Іоакиму II (см. у проф. А. А. Дмитріевского: стр. 185...).

²⁾ При Мануилѣ Комнинѣ (см. 2-й т. „Прав. Бог. Энцикл.“; Спб. 1901 г., col. 205).

заль, что, согласно документамъ, русскіе являются вѣчными хозяевами Пантелеимоновскаго монастыря. А такъ какъ къ этому времени умеръ и игуменъ о. Герасимъ, то патріархомъ было немедленно сдѣлано распоряженіе, чтобы въ монастырѣ были произведены выборы новаго игумена. На мѣсто скончавшагося 10 мая 1875 г. на 105-мъ году отъ рожденія геронта Герасима былъ избранъ игуменомъ 24 сентября того-же года о. Макарій большинствомъ голосовъ братіи, при чемъ за него высказывались даже и изъ числа грековъ—иноковъ обители. До такой, слѣдовательно, степени была обаятельна его личность! Затѣмъ патріархъ выдалъ о. Макарію актъ, утверждавшій его въ этой должности. Для этой цѣли выѣстъ съ о. Макаріемъ были посланы патріархомъ изъ Константинополя въ русскій Пантелеимоновскій монастырь два патріаршихъ экзарха.

Въ ихъ присутствіи, уже безъ всякихъ замѣшательствъ, и состоялось возведеніе о. Макарія въ должность игумена, и ему былъ врученъ игуменскій жезлъ... Конечно, этимъ еще не совсемъ устранялась возможность возникновенія въ будущемъ недоразумѣній между русскими и греками... При-томъ, на востокѣ почти не прекращались осложненія всякаго рода между турками и христіанами, такъ или иначе отражавшіяся и на аеонской жизни. Въ ту пору надвигались зловѣщіе призраки русско-турецкой войны...

Упомянутый выше тогдашній посланникъ русскій въ Константинополь графъ Н. П. Игнатьевъ иногда посѣщалъ и старо-аеонскій Пантелеимоновъ монастырь. Въ 1875 году онъ также прибылъ сюда. Въ это время уже можно было считать оконченнымъ столкновеніе грековъ съ русскими, о которомъ выше была рѣчь. Бесѣдуя со старцами—о. Иеронимомъ и о. Макаріемъ,—графъ, между прочимъ, сказалъ имъ: у Васъ обитель—благоустроенная,—братіи много... Что-бы Вамъ имѣть свой уголокъ въ Россіи, на Кавказѣ? Тѣмъ болѣе, что кавказская окраина нуждается въ проповѣдникахъ православной вѣры, въ укрѣпленіи ея тамъ... Вѣдь въ тѣхъ краяхъ есть множество запустѣвшихъ полуразрушенныхъ монастырей. Вотъ и возобновили-бъ Вы одинъ изъ нихъ... Отдѣляли-бъ туда извѣстную часть братіи, которая блюла бы тамъ чинъ и уставъ Аеонскій, и этимъ Вы принесли-бы Кавказу и вообще отечеству своему большую пользу... Старецъ Иеронимъ отвѣтилъ: если мы дѣйствительно можемъ принести тамъ пользу, то съ

радостью готовы послужить нашему дорогому отечеству. Только есть ли на это воля Божія? Графъ, съ своей стороны, сказалъ на слова старца:—я человекъ свѣтскій и говорю Вамъ по своему личному разумѣнію, а узнавать волю Божию—уже Ваше дѣло. Но старецъ на это откровенно заявилъ графу: просить мы, Николай Павловичъ, не будемъ..., а если насъ пригласять туда Высшія Особы,—это и будетъ для насъ знакомъ, что на дѣло есть воля Божія... Такъ бесѣдовали между собою названные лица. Весь разговоръ непосредственно слышалъ о. Іеронъ, по обязанности казначея бывший въ то время у старцевъ. Графъ ничего больше не говорилъ тогда по этому вопросу и уѣхалъ въ Константинополь.

Но задуманное имъ дѣло, какъ оказалось, не остановилось. Дней черезъ 15 послѣ графскаго отъѣзда старцы получили отъ тогдашняго Намѣстника Кавказскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, предложеніе — послать депутацію для выбора запустѣлаго монастыря въ Сухумскомъ отдѣлѣ — на Кавказѣ. Старцы немедленно же послали туда іеромонаха Арсенія ¹⁾ и съ нимъ двухъ монаховъ: Іоанна и Агапія.

Посланные прибыли въ Тифлисъ 26-го августа 1875 года. Имъ было указано на три разрушенныхъ монастыря: Симоно-Кананитскій, Драндскій и Бедійскій ²⁾. Ихъ выборъ, сдѣланный ими 6-го сентября 1875 г., палъ на монастырь Симоно-Кананитскій. Начало было, такимъ образомъ, положено... И въ томъ же году эта, вновь возникавшая какъ бы изъ пепла, обитель была надѣлена, съ утвержденія Кавказскаго Намѣст-

¹⁾ По фамиліи „Минина“ (см. *„Душепол. Собес.“*; 1912 г., окт.; вып. 10-й, стр. 307; см. и стр. 308—309). См. особенно цитов. книгу *И. Н. „Абхазія“*..., стр. 333—338, 199—216. По поводу данной посланнымъ инокамъ „инструкціи“... чит. у проф. А. А. Дмитріевскаго стр. 276—282.

²⁾ На прекрасной *„картѣ Абхазіи и Самураканіи“*, составленной Н. Цилоссани и приложенной къ превосходной книгѣ *И. Н. „Абхазія и въ ней Ново-Аеонскій Симоно-Кананитскій монастырь“* (Москва, 1899 г.), обозначены всѣ эти три монастыря: первый, вѣсьмъ нынѣ извѣстный, Ново-Аеонскій выше Сухума на морскомъ берегу, — второй — ниже Сухума — въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и третій еще ниже, въ предѣлахъ уже Самураканіи (а два первыхъ — въ Абхазіи), — въ значительномъ разстояніи отъ моря. — „Успенско-Драндскій монастырь“ (въ 4 в. отъ моря, въ 18 в. отъ г. Сухума) — устроенъ позже Ново-Аеонскаго „въ 1883 г. іеромонахами Аеонскаго Иверскаго монастыря“ на древнихъ „развалинахъ“ (см. у М. И. Денисова: *„Православные монастыри Россійской Имперіи“*; Москва, 1908 г., стр. 370—371). О „Драндѣ“ чит. еще у *И. Н.* стр. 129—131. О *Бедіи* см. *ibid.*, стр. 136—138.

ника, въ достаточномъ количествѣ земельными участками для возведенія на нихъ храмовъ и другихъ монастырскихъ зданій, а также и для хозяйственныхъ «угодій». Дано было и дозволеніе приступать къ устройству обители. Но Высочайшее положеніе объ учрежденіи монастыря, вызванное ходатайствомъ строителей чрезъ посредство Св. Синода, послѣдовало только 8-го декабря 1879 года ¹⁾).

Согласно этому «положенію», новая обитель учреждена—какъ отрасль Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря, и должна наравнѣ съ нимъ соблюдать общежительный старо-аѳонскій уставъ. При этомъ, на одинаковомъ основаніи съ находящимися въ Россіи греческими монастырями: Никольскимъ въ Москвѣ, Екатерининскимъ въ Кіевѣ и Ново-Нямецкимъ Молдаванскимъ въ Бессарабіи ²⁾), она подлежитъ, въ отношеніи поведенія ея братіи, наблюденію мѣстнаго епархіальнаго Начальства и Святѣйшаго Синода,—а въ отношеніи внутренняго ея строя и хозяйственной части стоитъ въ зависимости отъ Пантелеимонова монастыря.

Въ помощь о. іеромонаху Арсенію строителемъ новой обители и экономомъ былъ назначенъ аѳонскими старцами о. Іеронъ. Онъ такъ рассказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ.

Когда бывшіе на Аѳонѣ для поставленія о. Макарія во игумена два патріаршихъ экзарха возвращались обратно въ Константинополь, то старцы послали меня провожать ихъ. Предъ отправленіемъ въ дорогу я зашелъ къ о. Макарію. Когда я уходилъ отъ него, онъ сказалъ, чтобъ, во время моего пребыванія въ Константинополѣ, отецъ Азарія (монахъ въ столицѣ Турціи, управлявшій монастырскими—аѳонскими дѣлами) далъ знать въ Сухумъ о. Арсенію о томъ, что я—въ Константино-

¹⁾ Чит. его у проф. А. А. Дмитріевскаго: стр. 283—286. У И. Н. стр. 216—219. Въ „*Душепол. Собес.*“: 1912 г., окт., вып. 10-й, стр. 309—311.

²⁾ Никольскій или „Николаевскій греческій 2 класса (съ 1764 г.)“. „Впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1390 г... Приписанъ къ Аѳонскому Иверскому монастырю“ (см. у Л. И. Денисова: „Православные монастыри Россійской Имперіи“; Москва, 1908 г., стр. 429—431).—„Кіево—греческій Екатерининскій 2 класса... зависитъ отъ Синайскаго монастыря“. „Основанъ въ 1744—48 г.г.“ Ко 2 классу причисленъ „въ 1786 г.“... (см. у Денисова: стран. 305). — „Ново-Нямецкий Вознесенскій (или Кицканскій) зависитъ отъ Нямецкой лавры въ Румыніи. Основанъ въ 1864 г.“ Лежитъ „на берегу р. Днѣстра въ 10 верст. отъ города Вендеръ“... (см. у Денисова: стран. 47—48).

полѣ. Спросить о. Макарія: для чего это было нужно — мнѣ было некогда. Прибывъ въ Константинополь, я передалъ монаху о. Азаріи слова о. архимандрита. Тотъ немедленно послалъ въ Сухумъ телеграмму о. Арсенію о томъ, что о. Іеронъ въ Константинополь. А о. Арсеній быстро же отвѣтилъ: пусть пріѣзжаетъ о. Іеронъ въ Сухумъ. О. Азарія показалъ мнѣ телеграмму о. Арсенія и сказалъ, что онъ меня требуетъ къ себѣ въ Сухумъ. Я съ удивленіемъ замѣчаю ему, что Афонскіе старцы ничего не сказали мнѣ относительно моей поѣздки на Кавказъ. А о. Азарія говоритъ, что ему лично уже раньше было извѣстно объ этомъ. Сообщено было для того, чтобы потомъ во-время дать знать о. Арсенію. Поѣзжай, ничтоже сумняся, прибавилъ онъ. Тамъ о. Арсеній ждетъ тебя. Я возражаю: да я вѣдь ничего съ собою не взялъ изъ одежды; у меня нѣтъ даже и пары бѣлья для перемѣны. А о. Азарія невозмутимо парируетъ: не беспокойся! Все необходимое дастъ тебѣ здѣшнія братія. Нечего было дѣлать. Сходилъ въ посольство. Взялъ для себя паспортъ и отправился въ Сухумъ...*)

Профессоръ А. Бронзовъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 5. С. 630-649.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.) *).

III. На Кавказъ ¹⁾).

ПРИБЫЛЪ въ Сухумъ я 27-го ноября 1875 года ночью морскимъ путемъ (на пароходѣ). Не зная, что тамъ уже былъ монастырскій домъ, я отправился ночевать въ гостинницу. Не замѣтилъ я и того, что на томъ самомъ пароходѣ, на которомъ я пріѣхалъ, уѣзжалъ въ Россію изъ Сухума о. Арсеній.

Утромъ пришелъ ко мнѣ въ гостинницу монахъ о. Агапій, жившій въ Сухумѣ. Привелъ меня въ нашъ монастырскій домъ, и стали мы съ нимъ вдвоемъ жить тамъ, ожидая распоряженій о. Арсенія. Ждали мы, когда онъ прикажетъ начать построеніе новаго монастыря на выбранномъ мѣстѣ при рѣчкѣ Псыртсхѣ. Тамъ былъ древній полуразрушенный храмъ во имя

*) Продолженіе. См. апрѣль.

¹⁾ Объ „Абхазіи“ и „Ново-Аѳонскомъ монастырѣ“ чит. самыя подробныя, разностороннія и интересныя свѣдѣнія въ книгѣ г. И. Н. Абхазія охарактеризована „географически“, „исторически“... Изложена преинтересная исторія „христіанства“ въ этой странѣ. Освѣщена „археологія Кавказа и Черноморскаго побережья“. Данъ обстоятельный „историческій очеркъ“ Ново-Аѳонскаго монастыря и пр. и пр. Въ прекрасной книгѣ масса иллюстрацій... Всего того, что уже напечатано, мы касаться почти не будемъ, насколько это возможно для нашихъ цѣлей. Наше намѣреніе: освѣтить личность строителя обители—о. Іерона и почти исключительно на основаніи доставленнаго намъ рукописнаго матеріала, хотя, конечно, по мѣстамъ и повторяющаго то, что уже было кое-гдѣ напечатано... Все это и просимъ имѣть въ виду.

св. Апостола Симона Кананита. Здѣсь былъ замученъ послѣдній, и на его могилѣ, по преданію, затѣмъ былъ выстроенъ въ честь святого мученика храмъ. Здѣсь же жилъ въ теченіе года вмѣстѣ съ Апостоломъ Симономъ и св. Апостолъ Андрей Первозванный ¹⁾). Вотъ это-то мѣсто и было признано болѣе удобнымъ, по сравненію съ Драндой и Бедіей, потому что находилось на самомъ берегу моря и, кромѣ того, здѣсь было больше удобной земли для огородовъ, садовъ и скотоводства. А вѣдь то, другое и третье такъ необходимо для монастырской жизни...

Мы извѣстили о. Арсенія о томъ, что я—Іеронъ—пріѣхалъ съ Аеона. О. Арсеній передалъ отеческое свое благословеніе начинать постройку монастыря на Псыртсхѣ, поручая это дѣло мнѣ. Тогда назначено было подъ монастырь только 327 десятинъ земли. Границы обительскихъ владѣній были указаны приблизительно, безъ спеціальной отмежки. Мѣсто это, густо заросшее кустарникомъ и колючкою, было крайне дико. Дорогъ не существовало никакихъ. Въ Сухумъ ѣздили отсюда верхомъ по берегу у самага моря или на фелюгахъ (мелкихъ гребныхъ судахъ). Въ бурную-же погоду сообщеніе прекращалось.

На Псыртсху я прибылъ 2-го января 1876 года. Нужно было прежде всего избирать мѣсто для построенія монастыря. А это было очень трудное дѣло. Непроходимыя заросли по всей территоріи, которую Правительство назначило во владѣніе будущаго монастыря, вначалѣ не давали возможности ориентироваться и выяснить, гдѣ лучше всего было-бы строить обитель... Вѣдь постройки нужно было возводить на хорошемъ и во всѣхъ отношеніяхъ удобномъ участкѣ, такъ какъ онѣ предполагались «вѣчными», не временными... Требовалась крайняя осторожность... Гдѣ-бы лучше всего возводить капитальныя зданія?! Рѣшено было сначала использовать старую развалившуюся крѣпость на самомъ берегу моря... и въ ней возвести постройки, всего болѣе необходимыя на первое время. А такъ какъ сразу-же требовались неотложно помѣщенія: для монашествующей братіи, для рабочихъ, для рабочаго скота,

¹⁾ Сравн. по этому поводу въ цитов. книгѣ И. Н. стран. 77—79 и др. Ср., между прочимъ, у архіеп. Сергія «Полный Мѣсяцесловъ Востока» т. 2; 2 изд.; Владиміръ, 1901 г., стр. 488—489; 175—176. Чит. еще, напр., у архіеп. Филарета черниг.: «Житія святыхъ»...; ноябрь; изд. 3-е, Спб. 1900 г., стр. 377—383. Ibid., май; изд. 3-е; Спб. 1900 г., стр. 197—198...

для строительныхъ матеріаловъ...,—такъ какъ рабочіе не соглашались оставаться безъ жилищъ, подъ открытымъ небомъ...,—то приходилось возводить всѣ таковыя постройки на-скоро и изъ очень скромнаго матеріала: изъ досокъ. Помимо насущно-необходимыхъ построекъ, предметомъ первѣйшей надобности являлась вода. Посему я съ перваго же дня своего пріѣзда на Псыртсху обратился съ разспросами къ жившему тамъ старшинѣ, прося его показать всѣ водные источники на участкѣ, назначенномъ для монастыря. По осмотрѣ ихъ я пришелъ къ пріятному выводу, что имѣвшейся въ источникахъ воды будетъ совершенно достаточно для снабженія ею будущаго монастыря... Хотѣлось возможно скорѣе и вѣрнѣе, точнѣе узнать всю предназначенную подъ обитель территорію: всѣ ея достоинства, преимущества, недостатки, слабыя стороны. Безъ этого нельзя было сообразить,—что, какъ и гдѣ можно было бы устраивать съ возможно большею для монастыря пользою. А для того, чтобъ познакомиться съ монастырскимъ участкомъ, необходимо было сдѣлать просьби или прорубы, такъ какъ иначе было положительно невозможно пролѣзть человѣку сквозь сплошную колючку, переплетавшую деревья и заросли. Требовались рабочія руки. Русскихъ рабочихъ не было на-лицо. А мѣстные жители не привыкли къ работамъ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ обычно нанимаются и работаютъ у насъ въ коренной Россіи. Нужно было пріучать ихъ—Абхазцевъ—работать по-найму, поденно, за условленную плату. Но легко было сказать: пріучать... Вѣдь здѣшніе Абхазцы считаютъ себя сынами свободы. По ихнему тогдашнему мнѣнію, наняться на работу—значило потерять свою свободу. Посему они ни за что не соглашались работать поденно... Они обычно берутъ извѣстные земельные участки для ихъ обработки за половинную долю будущаго урожая или на другихъ условіяхъ, заключаемыхъ ими съ землевладѣльцемъ,—но при этомъ всегда считаютъ себя хозяевами, а не работниками. По совѣту о. Арсенія, я всячески заботился о томъ, чтобъ сдѣлать своими помощниками жившихъ около монастыря Абхазцевъ, и, нуждаясь, какъ сказано, въ рабочихъ рукахъ, предложилъ имъ чрезъ переводчика—Абхазца, не согласятся-ли они вмѣстѣ со мною работать, помогать мнѣ—рубить лѣсъ и колючку? А нужно замѣтить, что окрестные Абхазцы каждый день сновали около меня въ количествѣ отъ 40 до 50 человѣкъ. Бывало, вертятся вокругъ меня съ утра до вечера съ цалдами (т. е., абхазскими

кривыми топорами на длинныхъ толстыхъ палкахъ) въ рукахъ... и смотрятъ, любопытствуя, какъ я рубилъ лѣсъ и колючку. Передаю имъ: работать мнѣ одному не-удобно, да и мало сдѣлаю. При томъ-де, я не привыкъ къ этой работѣ и работаю лишь по нуждѣ крайней, за неимѣніемъ рабочихъ. Имъ-де, Абхазцамъ,—говорю,—это дѣло сродно, да, къ тому-же, они по цѣлымъ днямъ только стоятъ съ цалдами въ рукахъ и ничего не дѣлаютъ. А между тѣмъ могли-бы заработать себѣ кое-что... Но Абхазцы и слышать ничего объ этомъ не хотѣли. Считали подобную работу совершенно невысказанною для себя. Среди нихъ были два человѣка, очень бѣдные, полунегіе. Они, не имѣвшіе даже своихъ жилищъ и жившіе у другихъ, были молочными братьями моему переводчику. Я попросилъ послѣдняго уговорить ихъ работать, чтобъ они могли такимъ путемъ что-либо заработать себѣ и купить одежду. Ты,—говорилъ я переводчику,—скажи Абхазцамъ, что ихъ заставилъ работать за плату сухумскій Начальникъ—генераль Кравченко, котораго туземцы боялись. И эти два бѣдныхъ Абхазца съ большимъ страхомъ начали со мною работать поденно за условленную плату за каждый день.

При видѣ этого прочіе Абхазцы сначала очень встревожились,—однако, работавшихъ не трогали. Въ теченіе цѣлой недѣли, на глазахъ Абхазцевъ, я рассчитывалъ ежедневно двухъ своихъ работниковъ—бѣдняковъ. Наконецъ, въ субботу сказалъ имъ, что они вотъ уже порядочно заработали себѣ за недѣлю и, тѣмъ не менѣе, нисколько не сдѣлались подвластными ни мнѣ, ни кому-либо другому,—что какъ были они свободными, такъ и остались ими же... Вотъ и вы,—говорилъ я Абхазцамъ,—могли бы заработать себѣ тоже, что и эти двое. Въ понедѣльникъ Абхазцы стали собираться около меня... А я съ тѣми двумя изъ нихъ работаю, какъ и раньше... Когда Абхазцевъ собралось человѣкъ 60, т. е., почти всѣ тамъ жившіе, то чрезъ переводчика заявили, что, пожалуйста, и они согласны работать, если только монахъ возьметъ всѣхъ ихъ на работу. Я сказалъ сейчасъ же: хорошо, работайте всѣ,—всѣмъ будетъ и равная цѣна... И Абхазцы, наконецъ-то, рѣшили нарушить свои древніе обычаи: въ первый разъ теперь именно стали работать у русскихъ поденно за плату. Когда мнѣ нужно было что-либо сдѣлать, я обычно звалъ ихъ, бывало, и говорилъ: сдѣлайте мнѣ вотъ то-то и то-то, а я вамъ подарю за это что-либо. И они всегда въ

такихъ случаяхъ работали у меня безъ отказа. А я послѣ, бывало, и даю имъ или лошадь, или корову, или хлѣба, или какія-либо вещи. Такъ я поступалъ въ теченіе всего времени, пока была нужда въ рабочихъ людяхъ.

До начала русско-турецкой войны было выстроено на берегу моря въ старой (XIII вѣка) генуезской крѣпости изъ камня на извести первое помѣщеніе въ башнѣ крѣпостной,—то самое, которое теперь находится среди дворянской гостиницы; были пробиты окна въ стѣнѣ башни и сдѣланы двери. Образовалось, такимъ образомъ, жилье въ два этажа. Нижній служилъ складомъ для продуктовъ и матеріаловъ; а въ верхнемъ этажѣ помѣщались монахи и посѣтителі. Къ западной стѣнѣ старой крѣпости придѣляли пристройку одно-этажную на глинтъ, за неимѣніемъ извести. Здѣсь устроили гостиницу и кельи для братіи, просфорню и кухню съ трапезою,—все это—въ самомъ скромномъ видѣ. Затѣмъ былъ выстроенъ нѣсколько дальше отъ моря двухъ-этажный братскій корпусъ со школою для Абхазцевъ и церковію въ честь Покрова Пресвятой Богородицы... Постройки, словомъ, понемногу подвигались впередъ и впередъ.

Между тѣмъ приближался разрывъ Россіи съ Турціей. Въ новой церкви пришлось мало послужить до русско-турецкой войны. Въ школу хотя и удалось собрать учениковъ-Абхазцевъ 20 человекъ; но учились они здѣсь не больше 1½-хъ мѣсяцевъ, послѣ чего пришлось школу закрыть. Война грянула... и, по приказанію Правительства, ученики были распущены по домамъ, а монахамъ на время войны было приказано удалиться въ Гелатскій монастырь близъ Кутаиса ¹⁾).

По удаленіи монаховъ Абхазцы разрушили церковь и все, что дотолѣ было сдѣлано нами. Что имъ пришлось, взяли и унесли; а остальное сожгли... Вотъ какъ печально окончился первый періодъ построенія ново-аѳонской обители!

По окончаніи русско-турецкой войны я возвратился въ Абхазію,—къ созидавшемуся нами монастырю ²⁾). Здѣсь—

¹⁾ „Гелатскій или Гаэпатскій Богородичный монастырь I класса“ лежитъ „въ 8 верстахъ къ с. зап. отъ Кутаиса“. „Основанъ въ 1110 г.“ Въ немъ—моги „св. царя Давида III и правнучки его св. царицы Тамары“. Монастырь „необщежительный“ и небольшой по числу братіи (См. у Денисова: цитов. соч., стран. 360—361)...

²⁾ О. Іеронъ „возвратился“ именно „1-го октября 1878 года“ (см. полученную мною съ Новаго Аѳона рукопись подъ заглавіемъ: „Къ руко-

увы!—нашелъ все раззореннымъ, сожженнымъ... Нужно было начинать опять съ самаго начала...

Выстроилъ себѣ шалашъ изъ досокъ, а другой—большихъ размѣровъ—для рабочихъ около старой крѣпостной стѣны... и опять началъ устраивать обитель. Изъ монашескую брѣвню было только двое: монахъ Іоаннъ (впослѣдствіи схимонахъ Иннокентій) и послушникъ Михаилъ. Для другихъ иноковъ не было помѣщенія. Когда же выстроили корпусъ для жилья и отдѣльно—церковь въ честь Покрова Пресвятой Богородицы ¹⁾, тогда и стала пріѣзжать братія со Старого Аѳона, примѣнительно къ числу имѣвшихся налицо иноческихъ келлій.

Іеромонахъ о. Арсеній скончался въ Москвѣ 17-го ноября 1879 года ²⁾. А въ слѣдующемъ 1880-мъ году я былъ вызванъ на Старый Аѳонъ. Здѣсь предстоялъ выборъ замѣстителя, о. Арсенія. Старцы—о. духовникъ іеросхимонахъ Іеронимъ и о. архимандритъ Макарій съ прочею братією избрали шесть человѣкъ кандидатовъ на должность игумена въ новоустрояемую Кавказскую обитель. Въ числѣ шести былъ записанъ и я. Каждый шагъ дѣлался съ молитвою. Рѣшеніе вопроса было предоставлено жребію, такъ какъ всѣ кандидаты считались одинаково достойными... Жребій вынималъ самъ старецъ—о. духовникъ іеросхимонахъ Іеронимъ. Жребій палъ на меня ³⁾. 4-го мая 1880 года въ храмъ Покрова Пресвятой Богородицы во время литургіи архіепископъ Нилъ ⁴⁾ вручилъ

писи... о. Іерона краткія въ хронологическомъ порядкѣ свѣдѣнія изъ монастырской лѣтописи, послужного его списка и воспоминаній его учениковъ-иноковъ“).

¹⁾ „Главный престолъ въ Покровскомъ храмѣ освященъ 3-го февраля 1879 г.“ (см. цитов. рукоп.: „*Къ рукописи*“ etc.).

²⁾ „Съ этого времени во главѣ Ново-Аѳонскаго братства сталъ о. Іеронъ“ (см. „*Къ рукописи*“...).

³⁾ Тогда же,—по свидѣтельству сообщившаго это свѣдѣніе одного изъ иноковъ Ново-Аѳонской обители,—т. е., въ 1880 г., о. Іеронъ принялъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и тайное постриженіе въ схиму.

⁴⁾ Въ цитов. статьѣ „*Душепол. Собесѣдн.*“: 1912 г., окт.; вып. 10-й, стран. 311 „преосвященный Нилъ“ названъ „епископомъ Пентапольскимъ“. По словамъ проф. И. И. Соколова, этотъ Нилъ-Есфигменитъ (т. е., изъ монастыря Есфигменскаго на Аѳонѣ) въ санѣ архимандрита былъ избранъ въ 1867 г., по волѣ александрійскаго патріарха Никанора, мѣстоблюстителемъ александрійскаго патріаршаго престола, тогда какъ противники Никанора избрали, съ своей стороны, мѣстоблюстителемъ

мнѣ, іеромонаху Іерону, игуменскій жезлъ для управленія новымъ монастыремъ на Кавказѣ, послѣ чего я и былъ отправленъ въ Симоно-Кананитскій Ново-Аеонскій монастырь съ грамотою отъ старо-аеонскихъ старцевъ къ братіи новой обители ¹⁾. Братія послѣдней встрѣтила меня, какъ новаго, для новой обители—перваго игумена, радушно...

И такъ, я отнынѣ игумень. Теперь всѣ заботы по созиданію монастыря и управленію монастырскою братіею легли на меня...

Неудобство жить на одномъ дворѣ съ мірянами, недостатокъ въ помѣщеніяхъ для братіи, скудость пищи, недостаточность ея...,—все это крайне тяготило пріѣхавшихъ со Староаеона иноковъ. Тогда какъ тамъ—на Старомъ Аеонѣ на-лицо всякія удобства для монашеской жизни, здѣсь—на Новомъ Аеонѣ—были только крайнія лишенія. Вслѣдствіе этого нѣкоторые иноки не вытерпѣли послѣднихъ и уѣхали обратно на Старый Аеонъ. А оставшаяся на Кавказѣ братія крайне тяготилась жить безъ монастыря, отдѣльнаго для монашествующихъ. Такого рода монастыря, впрочемъ, и не предполагалось строить у моря—внизу. Здѣсь монахи,—предпо-

архим. Евгенія Данкоса. Въ мартѣ 1869 г. Нилъ, будучи уже митрополитомъ Пентапольскимъ, былъ избранъ на постъ александрійскаго патріарха (послѣ Никанора). Но избраніе было опротестовано константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ 6-мъ: указывалъ на то, что Нилъ, какъ аеонецъ, долженъ былъ подчиняться вселенскому престолу. Нилъ протестовалъ, въ свою очередь, говоря, что онъ—уже Пентапольскій и, слѣдовательно, независимъ отъ константинопольскаго...,—но безуспѣшно. Въ 1870 г. на александрійскій престолъ былъ избранъ бывшій вселенскій патріархъ Софроній съ наименованіемъ 4-мъ (1870—1899 г.г.). А Пентапольскій митрополитъ оказался въ опалѣ. Въ 1872 г. онъ обратился къ константинопольской церкви съ просьбою простить его. Синодъ простилъ (притязанія Нила на александрійскій патріаршій престолъ) и призналъ его—какъ іерарха православной Восточной церкви. Но Нилъ, тѣмъ не менѣе, оставался не у дѣль. Жилъ то на Аеонѣ, то на Патмосѣ, существуя перепискою рукописей... (см. „Истор. Христ. церкви въ XIX в.“—изд. проф. А. П. Лопухина; т. 2, Спб. 1901 г. стр. 224—226. „Исторія греческихъ церквей“ написана проф. И. И. Соколовымъ, отъ котораго мы получили о митр. Нилѣ, кромѣ того, и устные сообщенія). Онъ-то (называемый у однихъ архіепископомъ, у другихъ—епископомъ)—митрополитъ Пентапольскій—и вручилъ о. Іерону игуменскій жезлъ...

¹⁾ „Утвержденіе“ въ санѣ „игумена“ состоялось „7 мая“ (см. „Къ рукописи“...), каковымъ числомъ и датирована „грамота“ (ср. у И. Н стр. 220).

лагалось,—должны были пожить лишь временно, пока не будетъ выстроенъ для нихъ верхній монастырь. А у моря должны были быть выстроены лишь гостиницы для богомольцевъ и для всѣхъ временныхъ посѣтителей обители, а также и всѣ хозяйственныя зданія.

Для монастыря требовалось мѣсто, какъ сказано, и довольно обширное, и во всѣхъ отношеніяхъ удобное,—прежде всего—здоровое и съ чистымъ воздухомъ. И старецъ о. Іеронимъ говорилъ мнѣ лично и послѣ писалъ, чтобы избрано было для монастыря именно такое мѣсто со всѣми удобствами, такъ какъ монастырь—учрежденіе вѣчное, и его слѣдуетъ, по-сему, устраивать фундаментально, крѣпко... Тебѣ,—писалъ мнѣ старецъ этотъ,—Богомъ суждено строить новый монастырь. Такъ смотри же, не сдѣлай ошибки. Вѣдь тебѣ Богъ судилъ только выстроить обитель, а жить въ ней будутъ другіе и послѣ тебя. Если выстроишь удобную и хорошую, тогда братія, которой придется жить въ ней, будетъ молиться за тебя и благословлять, а если неудобную..., то будетъ проклинать. Старайся-же заслужить благословеніе, а не проклятіе. И красота мѣста,—писалъ старецъ,—не мѣшаетъ спасенію, а напротивъ, располагаетъ къ молитвѣ и благодарности Богу...

Много было передумано по вопросу о выборѣ мѣста подъ монастырь. Разсуждали такъ: если строить его около древней церкви св. Апостола Симона Кананита, что, повидимому, было-бы всего естественнѣе, то тамъ, къ сожалѣнію, оказалось бы и тѣсно, и нездорово: по причинѣ постоянной тяги изъ ущелья, тамъ всегда заболѣваютъ отъ простуды. Если строить монастырь на откосѣ горы, гдѣ теперь онъ и устроенъ, то потребовались бы неимоверныя труды отъ строителей: нужно было бы срѣзать цѣлую гору, чтобы получилась необходимая площадь подъ храмы, зданія и дворъ. Неимоверныя труды...,—но много пехода не оказывалось. И нужно было рѣшиться на этотъ именно выборъ, не взирая ни на какія предстоявшія трудности, лишь бы монастырь имѣлъ хорошій видъ, здоровый воздухъ и хорошую проточную воду... Я рѣшился.

Написалъ старцамъ о выбранномъ мною мѣстѣ,—описалъ всѣ препятствія, трудности и неудобства для постройки,—но, съ тѣмъ вмѣстѣ, сказалъ и о томъ, что, если потрудимся вдоволь и устроимъ въ концѣ концовъ здѣсь монастырь,—то въ результатѣ получится нѣчто восхитительное, чудесное: непередаваемо-красивая панорама, уединеніе, здоровый воздухъ и

живая-проточная, родниковая вода...,—все это будетъ на-лицо и къ услугамъ обители и ея насельниковъ.

Старецъ о. Іеронимъ благословилъ строить и велѣлъ не бояться ожидавшихъ насъ трудностей, лишь бы хорошъ былъ окончательный результатъ хлопотъ и трудовъ. А мѣстная братія ново-аеонская настроена была пессимистически. Она паходила совершенно невозможнымъ дѣломъ построить монастырь на такомъ неприступномъ мѣстѣ—на полу-горѣ, гдѣ не было площади для двора... Прошу у старцевъ старо-аеонскихъ благословенія на начало постройки обители и—денегъ на это дѣло. Мнѣ отвѣчаютъ: благословеніе на постройку монастыря даемъ, а денегъ на это у насъ нѣтъ и не жди ихъ отъ насъ. Мы давали Вамъ средства на первоначальныя необходимыя постройки и на Ваше пропитаніе. А на постройку монастыря денегъ не имѣемъ и не можемъ дать... Такъ и знай... Если есть у тебя деньги, начинай постройку; а если нѣтъ, подожди. Когда будутъ, тогда и начнешь. А на насъ не надѣйся. Отвѣтъ былъ, слѣдовательно, не утѣшительный ¹⁾).

Въ 1884 году пріѣхалъ сюда путешествовавшій въ Іерусалимъ и заѣзжавшій на Старый Аеонъ олабужскій купецъ, Вятской губерніи, Иванъ Ивановичъ Стахѣевъ, который вездѣ щедро раздавалъ деньги на богоугодныя заведенія и на монастыри. Мнѣ онъ далъ на нашъ новый монастырь 1000 рублей. Да отъ разныхъ другихъ посѣтителей у меня было собрано 200 рублей. Такимъ образомъ получилась сумма въ 1200 р. Располагая ею, я сталъ просить у старца-духовника о. Іеронима благословенія начать постройку монастыря, объясняя ему,

¹⁾ Тѣмъ не менѣе окружавшіе о. Іерона Абхазцы воображали его богачемъ, отъ котораго можно было кое-чѣмъ поживиться... 26-го февраля 1881 г. ночью въ келью о. Іерона пробрался изъ корридора одинъ Абхазецъ. Отецъ архимандритъ, однако, проснулся. Неизвѣстный посѣтитель, услышавъ это, выбѣжалъ въ корридоръ. Но вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ и о. Іеронъ. Разбойниковъ-грабителей, къ несчастью, оказалось нѣсколько человѣкъ, поджидавшихъ здѣсь передового..., и отъ нихъ плохо досталось о. архимандриту. Онъ потомъ очулся лежащимъ на полу въ корридорѣ съ раною на головѣ и окровавленнымъ. Около него стоялъ одинъ изъ иноковъ, выбѣжавшій на шумъ изъ кельи въ корридоръ. Абхазцы же скрылись. Рапа о. Іерона, къ счастью, оказалась—по милости Божіей—легкою, излѣчимою... (см. „*Его рукописи*“ etc.)... Однако-же, хорошо платили Абхазцы благоволившему къ нимъ монастырю (припомните, что и во время русско-турецкой войны покинутый монастырь, по словамъ о. Іерона, пострадалъ отъ Абхазцевъ слишкомъ внушительно)!..

что у меня имѣется въ рукахъ для этой цѣли капиталъ въ 1200 рублей. Пишу старцу: батюшка! Сумма эта, конечно, ничтожна для такого великаго дѣла, но я уповаю на милость и помощь Божию. Если Вы благословите, то Господь, по Вашимъ святымъ молитвамъ, поможетъ намъ. Теперь средствъ больше нѣтъ,—а отлагать постройку дальше боюсь: какъ бы Вы не отошли ко Господу... А безъ Васъ что же я? Посему, пока Вы живы, преподайте мнѣ Ваше отеческое благословеніе начать постройку нагорнаго для монашествующей братіи монастыря, который отвѣчалъ бы всѣмъ подлиннымъ ея нуждамъ.

Старець о. іеросхимонахъ Іеронимъ, въ отвѣтъ на мое къ нему обращеніе, прислалъ со Старога Аѳона письмо, гдѣ писалъ: Богъ благословитъ и я даю свое отеческое благословеніе тебѣ—начать и совершить обитель во славу Пресвятой Троицы—Отца и Сына, и Святаго Духа. А о томъ, что у тебя нѣтъ денегъ на построеніе монастыря, не унывай. Все будетъ и преизбудетъ... Только живите по-монашески...

Разъ было получено мною отъ старца отеческое благословеніе.—не о чемъ было больше и разсуждать. Я приступилъ къ работамъ на горѣ, на томъ ея мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь ¹⁾. Стали рубить лѣсъ, расчищать колючку, а затѣмъ и копать землю подъ фундаментъ для монастырскихъ стѣнъ. А такъ какъ выбранное мѣсто было довольно крутымъ склономъ горы, то потребовалось срѣзать очень много земли, чтобы образовалась ровная площадь... Трудновато было, но приходилось переносить все съ терпѣніемъ и твердой рѣшимостью вести дѣло впередъ, не взирая ни на какія препятствія. И вели... Всю срѣзанную землю сваливали подъ откосъ горы и въ глубокий ровъ предъ строившимся зданіемъ. Это облегчало работу: не было надобности далеко отвозить землю, на что потребовались бы и время, и масса труда. Земля вмѣстилась подъ откосомъ горы. Благодаря ей, кромѣ того, засыпаны были и рвы. Предъ монастыремъ, на разстояніи 12-ти отъ него сажень, выстроили высокую и крѣпкую стѣну—упоръ, чтобъ на мѣстѣ рва между зданіями монастыря и этою стѣною могла образоваться площадь. Для этой цѣли къ стѣнѣ ссыпалась вся земля, какую срѣзывали внутри монастыря. А такъ какъ эта земля

¹⁾ Начатыя въ 1884 г. работы по возведенію обширныхъ зданій верхняго монастыря окончены—всѣ къ 1912 г. (см. „Къ рукописи“ etc.)

была по-поламъ съ камнемъ, то камень отбирали и употребляли на постройку стѣнъ. Каменную работу производили мастера—греки, переселившіеся въ Сухумъ изъ Трапезунда. Близъ Сухума была дана имъ земля, и тамъ образовалось нѣсколько греческихъ селеній, преимущественно изъ мастеровъ-каменщиковъ. Артель мастеровъ-грековъ состояла изъ 12-ти чело-вѣкъ. Во главѣ стоялъ мастеръ Христофоръ Пуло. Хорошо зная свое дѣло, они работали поденно и перваго числа каж-даго мѣсяца получали заработанную плату. Но артель посте-пенно уменьшалась до 10-ти, 8-ми, 6—4-хъ чело-вѣкъ. Сред-ства мои скоро оскудѣли. Платить рабочимъ—нечѣмъ... Слѣдо-вательно, нельзя было и продолжать работы. Но и остановить послѣднюю было крайне нежелательно. Я понималъ, что какъ только работа остановится, такъ все и запустѣетъ. Иное раз-сохнется и рассыплется, иное заростетъ травой и т. д. А когда работа опять возобновится,—сказать было бы трудно. Посему.—думалъ я,—пусть работаютъ хотя бы 4 лишь чело-вѣка. Но наступалъ срокъ уплаты мастерамъ денегъ за мѣсяцъ. По не-достатку средствъ, имѣвшихся въ моемъ распоряженіи, уплата производилась съ большими обычно затрудненіями. Разсчитавъ рабочихъ, я, бывало, и говорю Христофору, что испытываю недостатокъ въ деньгахъ, почему-де и пріостанавливаю работу на-время. Вы-де уходите и ищите себѣ дѣла въ другомъ мѣ-стѣ. Христофоръ же, бывало, отвѣчаетъ: работа есть въ Сухумѣ или Боржомѣ, но намъ не хотѣлось бы уходить изъ монастыря. По сравненію съ Сухумомъ, мы получаемъ здѣсь—съ Васъ на 20 коп. меньше въ день,—говорилъ Христофоръ,—но, тѣмъ не менѣе, жить у Васъ намъ все же выгоднѣе, чѣмъ въ городѣ: тамъ невольно расходуетъ деньги совершенно напрасно, встрѣ-тившись, напр., со знакомыми и пр.,—а здѣсь у насъ нѣтъ ни-какихъ расходовъ, почему и не хотѣлось бы уходить отсюда, да, кромѣ того, у Васъ и дѣла много... Дѣла-то много, говорю я ему, но денегъ на уплату рабочимъ у меня—увы!—нѣтъ. Христофоръ уйдетъ въ свое помѣщеніе... Рабочіе надѣнутъ, бывало, на себя свои сумочки съ инструментами... и, повиди-мому, уходятъ. Придетъ пароходъ, дастъ уже второй свистокъ,—а Христофоръ снова идетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: что же? Ъхать намъ на пароходѣ или остаться еще на мѣсяцъ? По-думаю, бывало, и... соглашусь оставить рабочихъ на слѣдую-щій мѣсяцъ. Мѣсяцъ этотъ проходитъ. Въ концѣ его опять съ большимъ трудомъ отыщу денегъ для расчета. Разсчитаюсь...

и снова, бывало, предложу рабочимъ, чтобъ уходили... Христофоръ не прекословить, но, при отходѣ парохода, опять придетъ проститься и опять предложить остаться и... остается. Хотѣлось, чтобъ работа понемногу подвигалась впередъ. Она и подвигалась..., грозя ежеминутно оборваться. И такимъ-то образомъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изо дня въ день тянулись работы болѣе двухъ лѣтъ. Случалось, что подъ вліяніемъ скорби что-либо и колко скажешь мастерамъ. Но Христофоръ былъ настолько терпѣливъ, что не обращалъ на это никакого вниманія..., лишь-бы только ему не уходить изъ монастыря. Рѣдкій былъ человѣкъ! И, благодаря всему этому, работа не прекращалась никогда... Хотя лишь четыре человѣка, по все же работали непрерывно... Да и старцы аѳонскіе, хотя и сказали, повидимому, рѣшительно, что не дадутъ денегъ на постройку начатаго монастыря..., но, тѣмъ не менѣе, крайняя нужда заставила меня убѣдительно просить ихъ о помощи. Зная ихнюю доброту, я послалъ на Старый Аѳонъ о. іеромонаха Мелетія, который своими глазами видѣлъ всю нашу нужду, всей душой сочувствовалъ нашему дѣлу и самъ лично неустанно трудился надъ расчисткою мѣстности около монастыря.

Іеромонахъ Мелетій, по пріѣздѣ на Аѳонъ, ознакомилъ старцевъ со всѣмъ ходомъ дѣла и потомъ усердно молилъ ихъ помочь намъ. Старцы сжалились и дали 14.000 рублей. Это было уже серьезное подспорье. Когда была получена нами эта сумма, дѣло пошло впередъ уже нѣсколько глаже, легче. И послѣ аѳонскіе старцы уже постоянно оказывали намъ прочную денежную помощь. На постройку собора, напримѣръ, они дали 100.000 рублей. Они же выстроили въ въ С.-Петербургѣ для Новаго Аѳона подворье и послали туда отъ себя іеромонаховъ, пѣвчихъ и полный комплектъ братіи. Съ Божіею помощью дѣло на подворьѣ пошло хорошо, и, благодаря этому, для новостроившейся Ново-Аѳонской обители открылся постоянный источникъ доходовъ (отъ добровольныхъ припошеній столичныхъ обывателей) на строительное дѣло, что и дало возможность продолжать работы монастырскія на Кавказѣ.

Внутри Ново-Аѳонскаго строившагося монастыря пришлось срѣзать очень много земли, чтобъ такимъ путемъ могла образоваться въ обители ровная площадь, при чемъ вся земля, какъ объ этомъ уже было сказано, ссыпалась за террасу на откосъ горы. Масса насыпанной рыхлой земли раскисла отъ

дождей и поползла внизъ, пичѣмъ не сдерживаемая. Ползла до тѣхъ поръ, пока не наткнулась на слабый уклонъ въ откосѣ, послѣ чего остановилась. Сползавшая масса вызвала тревогу: всѣ, наблюдавшіе за ней, заключили, что ползетъ вся гора, а не насыпная лишь земля... Началъ думать, что тронется и поползетъ внизъ и монастырская постройка. Иноки наши сейчасъ же стали жаловаться аѳонскимъ старцамъ на своего настоятеля, т. е., на меня, и писали, что гора ползетъ внизъ, а Іеронъ, тѣмъ не менѣе, все продолжаетъ и продолжаетъ постройку. Обезпокоенные старцы потребовали отъ меня объясненія, каковое я, конечно, и далъ. Я увѣрялъ старцевъ, что подъ монастыремъ грунтъ—хорошій и что зданіе монастырское стоитъ прочно, а что внизъ ползетъ лишь насыпанная земля, вывезенная изнутри монастыря. Хотя старцы и повѣрили мнѣ, но для общаго успокоенія вызвали изъ Петербурга архитектора Н. Н. Никонова, который строилъ подворье въ столицѣ. Архитекторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ постройки и все прочее и, съ своей стороны, всѣхъ увѣрилъ, что для монастыря нѣтъ рѣшительно никакой опасности. Старцы успокоились. А я воспользовался благопріятнымъ случаемъ и попросилъ этого архитектора начертить планъ будущаго монастырскаго собора, хотя еще и не было рѣшено строить его. Хотѣлось просто только имѣть этотъ планъ. А кромѣ того, предполагалъ вдѣлать его въ рамку подъ стекло и повѣсить на видномъ мѣстѣ съ кружкою и надписью, рассчитанною на посѣтителей обители: «на построеніе собора». Авось, явятся.—думалъ я,—и жертвователи... Я разъяснилъ архитектору, какой именно «соборъ» желательно было-бы имѣть. въ какомъ стилѣ и пр. Архитекторъ быстро сдѣлалъ черновой чертежъ и такъ удачно, что не было надобности измѣнять его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Оставалось только начертить весь планъ почище набѣло,—фасадъ предполагавшагося соборнаго храма и разрѣзъ его 1)...

¹⁾ Такъ-то и шло время... Въ суетѣ, въ строительныхъ хлопотахъ и заботахъ..., непрерывныхъ, усиленныхъ... И всюду при этомъ такъ или иначе сказывалось участіе о. Іерона. Объ этого рода постройкахъ подробно рассказывается въ печатныхъ источникахъ, напр., въ цитов. книгѣ г. И. Н. и друг. Отсылая любознательныхъ къ послѣднимъ, отмѣтимъ только то, что упомянуто въ цитов. рукописи: „Къ рукописи“... 10-го мая 1882 г. былъ освященъ реставрированный, дотолѣ лежавшій въ развалинахъ, древній храмъ во имя св. Апостола Симона Кананита—Зм

Въ 1888 году ждали на Кавказъ Государя Императора съ Августѣйшимъ Его Семействомъ, и потому всюду шли дѣятельнѣйшія приготовленія къ столь рѣдкой и столь желанной встрѣчѣ Высокихъ Гостей. Извѣстно было, въ частности, что Они посѣтятъ и насъ, нашу молодую обитель. Готовились, посему, и мы... Вотъ мнѣ и пришла въ голову мысль: не удостоить ли Государь Своими Царскими руками заложить нашъ соборный храмъ, который со временемъ станемъ строить, въ зависимости, т. е., отъ матеріальныхъ средствъ обители? Я сталъ просить у старцевъ благословенія на приведеніе

лота (выстроены на мѣстѣ, „гдѣ, по древнему преданію Абхазцевъ и Грузинъ“, св. Апостолъ „и былъ погребенъ“: см. у *И. Н.* стр. 200). Къ декабрю того же года была устроена бетонная плотина чрезъ рѣку Псыртеху... Въ 1885 г. былъ переданъ монастырю Пицундскій скитъ, который затѣмъ и былъ возобновленъ, а находящійся въ немъ и реставрированный теперь храмъ былъ освященъ (см. подробности о „Пицундѣ“ у *И. Н.*, стр. 92—105) (у *Л. Денисова* на стр. 370 сказано: „скитъ“ этотъ „мужской въ 60-и верстахъ“ отъ Нов. Аеона; „былъ построенъ въ 551 г. импер. Юстиніаномъ I“...). Въ 1888 г. въ Петербургѣ состоялось освященіе главнаго и придѣльныхъ храмовъ въ подворьѣ Ново-Аеонской обители (Забалкаускій пр. 25). Подворье это, о которомъ упоминалось выше, было выстроено прикомандированнымъ къ Ново-Аеонскому монастырю о. іеромонахомъ Іларіономъ, нынѣшнимъ достопочтеннымъ Настоятелемъ обители (послѣ о. Іерона), а раньше Казначеемъ и Намѣстникомъ и, слѣдовательно, ближайшимъ помощникомъ о. Іерона... Заботы и хлопоты по устройству новой обители прерывались хлопотами по приему гостей, тѣмъ болѣе, что Новый Аеонъ уже на самыхъ первыхъ порахъ по водвореніи въ немъ иноковъ привлекалъ къ себѣ усиленное вниманіе православнаго люда. Такъ, 10-го іюня 1880 г. обитель посѣтилъ самъ Намѣстникъ Кавказа—Великій Князь Михаилъ Николаевичъ [отъ него чрезъ годъ послѣ того, именно, 2 сентября 1881 г., о. Іеронъ былъ удостоенъ милостиваго рескрипта за устройство и благоустройство обители (ср. объ этомъ и у *И. Н.*, стр. 220 и у друг.); впрочемъ, о. Іеронъ около того же времени получилъ и другія награды за свои огромные труды по сооруженію монастыря: палицу въ 1880 г., наперсный крестъ въ 1884 г.]. Съ 1887 г. по 31 марта 1889 г., т. е., по день своей кончины, въ монастырѣ жилъ первый Сухумскій епископъ Геннадій, здѣсь затѣмъ и погребенный (см. и у *И. Н.*, стр. 226)... А кромѣ того, иноки никогда не забывали своей главной дѣятельности—миссіонерской среди дикаго края и проповѣдывали православіе какъ слово въ своимъ, такъ и жизнию... и, конечно, не-безплодно, о чемъ свидѣлствуютъ, напр., случаи крещенія и присоединенія къ православной вѣрѣ Абхазцевъ и вообще инновѣрцевъ: въ 1876 г., въ 1880, 1882, 1886 и послѣ, напр., въ 1900... (объ этомъ см. и у *И. Н.*, стр. 219, 220...). О. Іеронъ вдохновлялъ, направлялъ, руководилъ, горѣлъ непрерывно, заражая и всѣхъ другихъ своею исключительною и рѣдкою энергіею...

моей мысли въ осуществленіе, предлагая имъ ко времени прїѣзда Государя очистить подъ соборъ хотя бы часть мѣста, гдѣ предполагалась мною его постройка,—чтобъ хотя бы на уголокъ можно было сдѣлать «закладку». Такъ приблизительно я говорилъ. Старцы, хорошо зная, что у меня нѣтъ денегъ, необходимыхъ на приведеніе моей затѣи въ исполненіе, затруднились дать мнѣ свое благословеніе на то, о чемъ я ихъ—моихъ старо-аѳонскихъ руководителей—просилъ. А если Государь,—писали они мнѣ,—спросить: есть ли деньги на постройку собора... и если узнаетъ, что ихъ нѣтъ въ Вашемъ распоряженіи,—то вѣдь, пожалуй, оскорбится... Рисковать, посему, нельзя. Но я снова сталъ просить старцевъ аѳонскихъ о томъ же и томъ же, желая воспользоваться столь исключительнымъ случаемъ. И старцы, наконецъ, дали свое согласіе... Такъ какъ дотолѣ не было «ѣздовой» дороги снизу—отъ пристани вверхъ—къ мѣсту, гдѣ послѣ былъ выстроенъ соборъ..., то теперь усиленно стали ее устраивать, пока не прибылъ Высокій Гость. Думали, что Онъ едва ли согласится подниматься пѣшкомъ къ мѣсту предполагавшейся закладки собора ¹⁾).

Государь Императоръ прибылъ на Новый Аѳонъ 24-го сентября 1888 г. Для встрѣчи Его выѣхали въ море о. Іеронъ и о. іеромонахъ Рафаилъ—представитель Старого Аѳона, командированный сюда специально ради этого торжественнаго случая. Государь и Императрица ласково привѣтствовали ихъ на берегу. Въ Покровской церкви, куда Гости направились, Они были встрѣчены Сухумскимъ епископомъ Геннадіемъ, сказавшимъ по этому случаю трогательную рѣчь. Въ храмъ были, кромѣ Государя и Государыни, Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣшній Государь Императоръ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Отсюда Августѣйшіе Паломники въ экипажахъ проѣхали по проложенной «шоссейной дорогѣ» къ мѣсту закладки собора и приняли въ ней

¹⁾ Доселѣ наша рѣчь велась на основаніи рукописныхъ автобіографическихъ сообщеній о. Іерона. Дальше: о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Новаго Аѳона въ 1888 г. будемъ говорить на основаніи сообщеній отца же Іерона и „братія“ обители, напечатанныхъ въ особой специальной брошюрѣ [*„Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами съ Августѣйшимъ Семействомъ Новаго Аѳона на Кавказѣ 24-го сентября 1888 года“* (Одесса, 1894 г.)], полученной нами съ рукописными въ ней обительскими добавленіями.

участіе, послѣ чего Государь разсматривалъ «планы и фасадъ новаго» храма «и всего монастыря», «приготовленные и разложенные въ» особой «палаткѣ вблизи закладки собора». Дававшій объясненія о. Іеронъ сказалъ при этомъ, «что на постройку монастыря составлялъ черновой планъ» онъ, а «на соборъ»—вышеупомянутый «архитекторъ Никоновъ». Дальше Государю было благоугодно посѣтить храмъ св. Апостола Симона Кананита, куда Онъ дошелъ пѣшкомъ... Отсюда въ экипажахъ «отправились» въ монастырскую «школу», потомъ къ епископу Геннадію—въ его скромное помѣщеніе. Послѣ «убогаго монастырскаго угощенія», Государю благоугодно было принять скромнѣйшіе монастырскіе подарки и въ особой книгѣ «засвидѣтельствовать о своемъ пребываніи въ обители собственноручною подписью». Для этого о. Іеронъ, по желанію Государя, долженъ былъ отыскать гусиное перо. Послѣ Государя подписались и прочіе Августѣйшіе Паломники... и друг. Государь милостиво поблагодарилъ о. Іерона и отбылъ изъ обители. «Въ памяти у меня останется посѣщеніе вашей обители»... Эти слова Императора—Государя, сказанныя при прощаніи съ о. Іерономъ, навсегда останутся въ памяти ново-аѳонскихъ иноковъ, которые, проводивъ Высокаго Гостя, затѣмъ отслужили «благодарственный» Господу молебенъ... и горячо помолились «о здравіи и спасеніи» дорогихъ Посѣтителей Новаго Аѳона. Часа черезъ три по отбытіи Гостей (добавляетъ рукописная въ брошюрѣ прибавка), адъютантъ привезъ отъ Государыни Императрицы пакетъ съ 5.000 рублями на монастырскія нужды. Мы, говорилъ о. Іеронъ, старались сдѣлать со своей стороны все, что только могли. Оказывали всякое вниманіе и членамъ Государевой свиты, пріѣзжавшимъ «на берегъ» въ обитель, посылали подарки ни пароходъ Государынѣ Императрицѣ, «торжественно звонили» въ колокола, устроили иллюминацію..., награждали всѣхъ «иконочками и альбомами»... «Въ 11 часовъ вечера», однако, забывенные Посѣтители наши покинули монастырскія воды и «скрылись отъ нашихъ взоровъ»... А въ сердцахъ обительскихъ пасельниковъ они останутся, конечно, навсегда... Въ память столь радостнаго событія, каковымъ было посѣщеніе обители Государемъ Императоромъ (добавляетъ рукописная опять прибавка), была потомъ выстроена на пристани каменная часовня,—на томъ мѣстѣ, гдѣ о. Іеронъ и другіе иноки впервые представлялись Высокому Гостю... О радостномъ событіи

было донесено во всѣхъ подробностяхъ на Старый Аѳонъ, гдѣ по этому поводу также специально молились о Государѣ и о всемъ Его Домѣ... Но за то какъ же скорбѣли и на Новомъ Аѳонѣ, и на Старомъ, когда потомъ узнали о катастрофѣ въ Боркахъ. чуть не повлекшей за собой непоправимыхъ печальныхъ послѣдствій! Однако, радость по случаю избавленія Государя и Его Августѣйшей Семьи отъ смертельной опасности была еще большею, неопишуемою... ¹⁾

По отбытіи Государя, съемка земли съ участка, на которомъ предполагалось возведеніе «собора», продолжалась успѣшно..., — и, несмотря на то, что требовалось срѣзать огромное количество земли, цѣли достигли: трудъ и терпѣніе превозмогли все...

Подготовивъ все, приступили къ постройкѣ соборнаго храма. Бутъ и цоколь стали дѣлать изъ мѣстнаго камня на цементѣ...

Но въ то же время постепенно строили и монашескія помѣщенія. Послѣднія составляли собою обширный четырехугольникъ, въ срединѣ коего долженъ былъ помѣщаться соборъ. На каждомъ изъ четырехъ угловъ, образуемыхъ монашескими помѣщеніями, предположено было выстроить по отдѣльной церкви: на юго-восточномъ — во имя св. Апостола Андрея Первозваннаго, — на юго-западномъ — въ честь преподобныхъ отцовъ Аѳонскихъ, — на сѣверо-западномъ — во имя св. мученика Іерона и на сѣверо-восточномъ — въ честь св. иконы Божіей Матери-Избавительницы. А по срединѣ южнаго корпуса надъ святыми воротами выстроена церковь въ честь Вознесенія Господня. Соборъ, воздвигнутый, какъ и сказано, среди обширнаго двора внутри четырехугольника, посвященъ св. Великому мученику и Цѣлителю Пантелеймону, а его четыре придѣла: внизу — 1-й Святителю и Чудотворцу Николаю, 2-й св. Благовѣрному Князю Александру Невскому и на хорахъ — одинъ — св. Маріи Магдалинѣ и другой — св. Великому мученику Георгію Побѣдоносцу ²⁾).

¹⁾ Отсылая за подробностями къ брошюрѣ, въ дальнѣйшемъ возвращаемая къ автобіографическимъ (рукописнымъ) сообщеніямъ о Іерона.

²⁾ Особенно трогательно въ данномъ случаѣ построеніе храмовъ: а) въ честь св. иконы Божіей Матери-Избавительницы. Икона эта, „по завѣщанію о. Макарія“ (архимандрита русскаго монастыря на Старомъ Аѳонѣ, — упоминавшагося уже выше), „была дарована Ново-Аѳонскому монастырю 20 іюля 1889 г. Празднество въ честь ея установлено 17 ок-

Монастырскій «соборъ» освященъ въ 1900 г. 28-го сентября Преосвященнымъ Арсеніемъ, Епископомъ Сухумскимъ, при огромномъ стеченіи богомольцевъ, которыхъ собралось въ обители къ этому торжественному дню до-двадцати тысячъ—не меньше. Монастырь отнесся къ богомольцамъ въ высшей степени радушно. Снабжалъ всѣхъ ихъ (а они жили здѣсь около семи дней) пищей: хлѣбомъ, чаемъ... Для помѣщенія такой массы стекшагося въ обитель люда были устроены временные бараки. Устроены были для богомольцевъ: временная большая столовая,—также—двѣ кухни, двѣ пекарни для изготовления хлѣба. Приходилось печь хлѣбъ и варить пищу въ теченіе дня и ночи непрерывно. Иначе не удовлетворить-бы потребностей многотысячной массы... За то, благодаря обительской энергіи, поддерживаемой о. Іерономъ, всѣ богомольцы получали все необходимое и не имѣли ни поводовъ, ни оснований къ какимъ-либо жалобамъ или къ недовольству...

Кипарисовый крестъ, водруженный при закладкѣ «собора» Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ III-мъ ¹⁾, теперь—по окончаніи постройки «собора» и по освященіи его—былъ изящно обдѣланъ въ серебро. На немъ была сдѣлана подобающая существу дѣла надпись. Затѣмъ крестъ былъ поставленъ въ главномъ «соборномъ» алтарѣ св. Великомученика и Цѣлителя Пантелеимона за престоломъ, согласно желанію Самого Государя Императора ²⁾...

тября въ воспоминаніе чудеснаго спасенія“ Государя Александра III и Его „Августѣйшво Семейства“ (чит. объ этомъ и о самой иконѣ у С. Снегиревой: „Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ“...; изд. 3-е; Спб. 1910 г., стр. 663, 662, 664, 665. См. еще у И. Н. стр. 227). б) Во имя св. мученика Іерона (см. о немъ у архіеп. Сергія: „Полный Мѣсяцесловъ Востока“, т. II; изд. 2; Владиміръ, 1901 г., стр. 346—347, стр. 457). Этотъ храмъ въ честь святого, имя коего носилъ о. архим. Іеронъ, всю жизнь свою положившій за Ново-Аеонскую обитель, всегда будетъ сохранять память объ ея первомъ архимандритѣ и побуждать всѣхъ о немъ молиться Господу. в) Храмы во имя св. Пантелеимона, преподобныхъ Аеонскихъ отцовъ... указываютъ на связь новой обители со Старымъ Аеономъ. г) Храмъ во имя св. Андрея Первозваннаго всегда будетъ напоминать о проповѣди этого св. Апостола въ Абхазіи и т. д. и т. д.

¹⁾ См. стр. 7 цитов. брошюры: „Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами“...

²⁾ Здѣсь оканчиваются автобіографическія сообщенія о. Іерона, и дальше рѣчь идетъ на основаніи цитованнаго къ ней рукописнаго до-бавленія учениковъ старца и пр.: „Къ рукописи о. Іерона“...

Въ періодъ времени съ 1894 г. по 1911 г. освящены въ пагорномъ монастырѣ соборъ съ пятью его престолами и пять храмовъ (параклисовъ) при братскихъ зданіяхъ, расположенныхъ вокругъ «собора». Объ этихъ храмахъ уже упоминалось выше.

8 іюня 1905 года освященъ каменный храмъ, устроенный для иночествующей братіи, проживающей въ урочищѣ Кумбаши, Бакинской губ., Ленкоранскаго уѣзда (чит. въ началѣ нашей статьи), при находящемся въ долгосрочной арендѣ Ново-Аѳонскаго монастыря казенномъ рыбномъ промыслѣ.

22 октября 1908 года освященъ храмъ при новомъ каменномъ братскомъ корпусѣ на монастырскомъ хуторѣ верстахъ въ семи отъ Новаго Аѳона.

Три раза (въ 1900 и 1909 гг. въ верхнемъ монастырѣ и въ 1911 г. въ нижнемъ) большіе пожары угрожали всему монастырю полнымъ опустошеніемъ. Но—благодареніе Богу—каждый разъ дѣло въ концѣ концовъ ограничивалось уничтоженіемъ или поврежденіемъ такихъ зданій или мелкихъ построекъ, кои или были возведены лишь на время, или по своей ветхости и несоотвѣтствію общему плану обительскому должны были подлежать капитальному ремонту и перестройкѣ. И на новомъ монастырскомъ хуторѣ вышеупомянутый каменный съ храмомъ корпусъ построенъ на мѣстѣ сгорѣвшихъ въ 1903 году братскихъ помѣщеній, совсѣмъ уже обветшавшихъ и ставшихъ негодными для жилья.

Съ 1 іюля 1904 г. весь монастырь (кромѣ храмовъ) освѣщается электричествомъ.

Достославный о. Іеронъ, устраивавшій все отмѣченное выше и многое другое подобное, изобрѣтательный, казалось, до безконечности, обладавшій неисчислимою энергіею, во все вникавшій, все предусматривавшій...,—постепенно все болѣе и болѣе благоустривалъ свое дѣтище—Ново-Аѳонскую обитель..., заботился о ней до послѣдняго своего вздоха... И если она теперь сіяетъ своею удивительною и всѣхъ восхищающею красотою, — если теперь она является своего рода чудомъ, возникшимъ на пустынномъ кавказскомъ побережьѣ,—то—благодаря именно этому великому дѣятелю, не знавшему своихъ личныхъ интересовъ и жившему только интересами обительскими...

Неудивительно посему, что, несмотря на свое всѣмъ извѣстное рѣдкостное смиреніе, о. Іеронъ вынужденъ былъ при-

нимать различнаго рода награды и поощренія за свою исключительно-выдающуюся дѣятельность: напр., въ 1896 г.—орденъ св. Анны 3-й степени, въ 1900 г.—2-й степени, въ 1903 г.—св. Владиміра 4-й степени, въ 1905 г.—3-й степени, въ 1908 г.—св. Анны 1-й степени. Въ 1903 году Его Высочествомъ, Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, посѣтившимъ обитель вмѣстѣ со своею супругою Евгенією Максимиліановною, былъ пожалованъ о. Іерону золотой наперсный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями. И вообще высокопоставленныя лица, входившія въ такое или иное соприкосновеніе съ о. Іерономъ, относились къ нему, по отзыву его учениковъ и всей монастырской братіи, съ высокимъ вниманіемъ, любовью, съ уваженіемъ...,—почитали его глубоко и искренне *).

Профессоръ А. Бронзовъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**Архимандрит Иерон,
настоятель Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря
(+14 августа 1912 г.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 6. С. 747-768.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



**СПБДА
Санкт-Петербург
2009**



Архимандритъ Іеронъ, Настоятель Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

(† 14 августа 1912 г.) *).

ОЧЕНЬ трогательно рисуютъ внутренній образъ и вообще личность о. Іерона тѣ, кто зналъ его близко и долго, — его ученики, почитатели...

Самъ батюшка, — пишутъ они объ о. Іеронѣ, — всегда и всѣмъ воздавалъ должное. Лицепріятіе ему было незнакомо. И бѣдныхъ, и богатыхъ, и простолюдиновъ, и именитыхъ — всѣхъ онъ встрѣчалъ и принималъ всегда привѣтливо, съ искреннею любовію о Господѣ, съ участіемъ, радушіемъ, предупредительностью...

Всѣ находили въ о. Іеронѣ добраго собесѣдника и благожелательнаго наставника, руководителя и уходили отъ него обновленными, утѣшенными, обласканными. съ миромъ въ душѣ, съ духовною радостью въ сердцѣ..., хотя онъ и не думалъ дѣлать какихъ-либо уступокъ, поблажекъ грѣхамъ и слабостямъ приходившихъ къ нему лицъ.

Бѣдные и нуждающіеся всегда находили въ о. Іеронѣ человека, готоваго придти къ нимъ на помощь. Чѣмъ только могъ, онъ всегда поддерживалъ такихъ лицъ. Тѣмъ болѣе онъ шелъ навстрѣчу искавшимъ у него не матеріальной помощи, а духовной: утѣшенія, совѣта, наставленія. Этихъ людей онъ принималъ съ еще большею, конечно, готовностью и охотою, поскольку и спасеніе душевное выше благополучія матеріальнаго... Про отношенія же о. Іерона къ братіи его обители, конечно, излишне уже и говорить, — равно какъ и про отношенія братіи къ нему. Вся она неподдѣльно любила своего

*) Окончаніе. См. май.

«главу» не только какъ настоятеля, но и какъ своего духовника и «старца» опытнаго, у котораго всегда и для всякаго находилось слово правды, совѣта, утѣшенія—живое, сердечное ¹⁾ и отвѣчавшее духовнымъ и вообще иноческимъ нуждамъ вопрошавшаго. Самъ искушенный въ строгихъ полувѣковыхъ иноческихъ подвигахъ, онъ и для другихъ естественно являлся опытнымъ, умудреннымъ, заслуживавшимъ въ данномъ случаѣ всякаго удивленія, старцемъ. Рѣчь его, безъ малѣйшаго потворства грѣху, одинаковая по тону — безотносительно къ положенію собесѣдниковъ, были-ль то новоначальные послушники, или лица изъ старшей братіи, всегда дышала отеческою любовію, снисхожденіемъ, искреннимъ благожелательствомъ. Цѣль ея всегда была только одна: польза душевная приходившихъ къ о. Іерону лицъ, ихъ спасеніе о Господѣ...

Удивительный старецъ, очевидно, обладалъ и даромъ прозрѣнія въ будущее. Такъ, нерѣдко и при одинаковыхъ, видимому, нуждахъ, по поводу коихъ къ нему обращались иноки, и на тождественные ихъ вопросы онъ высказывался различно: одному давалъ одинъ совѣтъ, другому—иной, одному отвѣчалъ такъ, другому иначе... И,—что было въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно,—послѣдствія его совѣтовъ, отвѣтовъ... всегда ихъ оправдывали. Ясно было, что онъ зналъ внутреннее настроеніе вопрошавшихъ,—зналъ и то, что ожидало ихъ впереди... и, соотвѣтственно всему этому, старался придти къ нимъ на помощь. Случалось и такъ, на примѣръ... Иной приходилъ къ о. Іерону совсѣмъ удрученный, съ разбитой душой, истерзанный сомнѣніями, съ безпощадно гнетущимъ уныніемъ въ сердцѣ, съ гложущей его тоской... Приходившій былъ не въ силахъ сколько-нибудь разобраться въ своемъ положеніи... Онъ даже не зналъ, какъ и высказаться объ этомъ предъ другими... И въ «исповѣдальной» комнатѣ—предъ батюшкой онъ находилъ въ себѣ силу сказать лишь кое-что, да и то

¹⁾ По словамъ его учениковъ, о. Іеронъ готовъ былъ пробить цѣлый день со скорбящимъ братомъ, лишь бы утѣшить его, привести его въ мирное настроеніе... Какъ это трогательно! И вся вообще его необычайная, исключительная любовь къ „братіи“ дѣлала этого о. игумена какимъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ начальникомъ и руководителемъ духовнымъ... Многимъ бы можно и должно бы у него поучиться. О. Іеронъ, о. Иларіонъ—нынѣшній ново-аеонскій игуменъ, о. Маврикій—валаамскій игуменъ...—Эти старцы стоятъ цѣлой когорты руководителей, наставни-

объ обыденныхъ своихъ грѣхахъ... Но о. Іеронъ какъ-то умѣлъ понимать и различать подобныхъ людей. И вмѣсто того, чтобъ быстро отпускать ихъ, какъ ничего особаго ему не говорившихъ и ни на что особое не жаловавшихся, онъ, бывало, задерживалъ этихъ лицъ на полчаса и больше. Самъ приходилъ къ нимъ на помощь своими разспросами, понемногу разублаждалъ ихъ внутренній міръ, давалъ наставленія, совѣты..., наиболѣе пригодные для практической жизни, утѣшалъ... Для обоснованія своихъ совѣтовъ нерѣдко приводилъ примѣры изъ житій святыхъ, изъ святоотеческихъ твореній, какъ нельзя болѣе подходившіе къ тому или иному случаю, напоминалъ о чемъ-нибудь заповѣданномъ въ словѣ Божіемъ,—разсказывалъ о разныхъ назидательныхъ случаяхъ изъ иноческой жизни на Старомъ Аѳонѣ,—припоминалъ что-нибудь изъ совѣтовъ великихъ Аѳонскихъ старцевъ и пр. И упавшій духомъ его собесѣдникъ уходилъ совсѣмъ инымъ, переродившимся, обновленнымъ,—забывалъ тревоги, успокаивался; на душѣ у него становилось свѣтло, какъ въ ясный Божій день,—исчезала изъ его сердца, изъ его ума даже и послѣдняя тѣнь мучившихъ его дотолѣ сомнѣній...

Былъ такой, напр., случай. У одного послушника появилась непонятная тоска, съ которою онъ былъ безсиленъ бороться. Уныніе давило его, какъ тяжелый камень. Душили слезы. Въ теченіе трехъ дней, лишь только, бывало, придетъ въ свою келью, не могъ удержаться отъ слезъ и плакалъ навзрыдь... Въ столь невыносимо тяжеломъ положеніи пошелъ послушникъ къ о. Іерону, разсказалъ о случившемся съ нимъ и просилъ его молитвъ. Батюшка, повидимому, уже прозрѣлъ своими духовными очами то, что несчастный послушникъ испытывалъ въ душѣ своей..., и, выслушавъ послѣдняго, спокойно сказалъ ему въ утѣшеніе нѣсколько участливыхъ словъ, коихъ, однако, оказалось вполне достаточно для дѣла... Успокойся,—сказалъ о. Іеронъ,—не бойся, иди въ свою келью,—я помолюсь за тебя... И только... Послушникъ пришелъ въ свою келью и не узналъ себя: отъ казавшейся безысходною тоски у него осталось лишь одно воспоминаніе; слезы унынія исчезли... И почувствовавшій себя счастливымъ человѣкъ этотъ безмятежно взялся за свое обычное послушаніе. Очевидно, сила молитвы о. Іерона была во-истину необычайна, какъ необычайна была и его прозорливость..., выдвигавшія его далеко—далеко изъ ряда прочихъ, окружавшихъ его, людей...

Часто о. Іеронъ говаривалъ, что въ печали, скорби, въ горѣ не слѣдуетъ предаваться унынію, малодушествовать, терять надежды на Божію милость ..,—но что и въ радости, съ другой стороны, нельзя обнадеживать себя прочностью своего положенія... Нельзя здѣсь—на землѣ разсчитывать на неизмѣнное счастье, на прочное какое-то блаженство. На землѣ вѣдь все преходяще... И въ духовной жизни радость и печаль чередуются одна съ другою.. Всюду такъ... Въ скорби жди радости,—въ радости не поддавайся безпечности,—всюду остерегайся печали... Хотя и всѣ,—напоминалъ объ этомъ часто о. Іеронъ,—спасаются о Господѣ подъ покровомъ Божіей благодати, а особенно явно можно бываетъ видѣть это по отношенію къ «новоначальнымъ»,—но не слѣдуетъ забывать, что благодатная помощь и всякаго человѣка иногда какъ будто бы покидаетъ, оставляетъ..., заставляя его чрезъ то самое ошутительно познать свою немощь... Вотъ тогда-то и нужно приложить всѣ свои старанія, чтобъ не поддаться малодушію, столь пагубному и зловредному...,—чтобъ принудить себя къ подвигамъ духовнымъ...

Главнымъ образомъ и чаще всего о. Іеронъ обращалъ вниманіе всѣхъ насельниковъ обители на воспитаніе въ себѣ смиренія, послушанія, страха Божія, взаимной любви другъ ко другу,—а также и на то, что въ монастырскомъ общежитіи ничто не должно дѣлаться безъ разрѣшенія и благословенія старшихъ, по собственному лишь произволенію каждаго. Всѣмъ онъ—опытный старецъ и испытанный подвижникъ—ставилъ на видъ, что въ иноческой жизни все, даже и доброе видимому, теряетъ свою хорошую цѣну, если бываетъ плодомъ только личнаго произвола того или другого или тѣхъ или иныхъ лицъ. Правда,—говаривалъ онъ,—трудно бываетъ подвижнику дѣлать все лишь по благословенію другихъ: «врагъ» препятствуетъ всѣми силами, какъ только можетъ..., разставляя всюду сѣти и ловушки,—а когда кто-либо захочетъ проявить свосволеніе, тутъ-то онъ и является первымъ и обязательнымъ помощникомъ подобнаго инока. И сколько бываетъ случаевъ, когда «врагъ» этимъ путемъ легко улавливаетъ въ «прелесть» неопытныхъ, но самонадѣянныхъ, «самочинно» ревнующихъ и о добродѣтели, лицъ,—безвременно сводитъ ихъ въ могилу, а то такъ доводитъ даже до умопомраченія!! Однако, и въ тѣхъ случаяхъ, когда инокъ проявляетъ святое послушаніе и трудится много и съ большимъ успѣхомъ,—онъ долженъ помнить

совѣтъ—спасительный для него и полезный: не искать похвалы себѣ или одобренія,—не трубить предъ собою, не рассказывать о своемъ нравственномъ преуспѣяніи. Вообще о. Іеронъ считалъ всѣ отличія и похвалы вредными для духовнаго «устроенія» инока и питающими только духъ любочестія, въ явный ущербъ смиренію. Самое лучшее,—говаривалъ о. Іеронъ,—дѣлать иноку все «просто за послушаніе» только и какъ бы «предъ Самимъ Богомъ»... «Работай всякъ по силамъ»,—имѣй въ себѣ страхъ Божій,—по возможности ищи безмолвія,—молись... Вотъ чему поучалъ старецъ—аскетъ, молитвенникъ... Намъ—монахамъ,—поучалъ онъ,—непремѣнно вездѣ и всегда нужно творить молитву «Иисусову». И даже въ храмѣ во время Богослуженія, если почему-либо не слышишь хорошо того, что поютъ и читаютъ, тверди: «Господи—Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Прибавляй и «Богородичную»... А когда монахъ пребываетъ въ кельѣ, то онъ,—по требованію о. Іерона,—непремѣнно долженъ прежде всего ежедневно исполнять установленное для всѣхъ «келейное правило» (канонъ) ¹⁾. Исполнивши правило и желая еще помолиться, инокъ пусть «возьметъ другой канонъ». Если ему «мало двухъ», пусть «берется за третій». Лучше нашего канона (въ коемъ 750 краткихъ молитвъ съ поклонами),—говаривалъ о. Іеронъ,—нельзя ничего болѣе придумать. Такой канонъ,—напоминалъ старецъ,—вѣками «творили» всѣ святые отцы на Св. Горѣ Аѳонской... Если съ кѣмъ-либо изъ иноковъ приключится болѣзнь, изъ-за которой

¹⁾ Въ моемъ распоряженіи имѣется оно въ изданіи 1912 г. (Одесса), за подписью вышшняго настоятеля монастыря—о. архимандрита *Иларіона* (стр. 3—8). Это „келейное правило“ предназначено для „всѣхъ иноковъ“, „начиная съ іеромонаховъ и кончая послушниками“ (для схимонаховъ назначается особое правило). „Звонъ на канонъ“ бываетъ „въ часъ по полуночи“. Каждый у себя въ кельѣ тогда и читаетъ „келейное правило“. Между прочимъ, „молитва Іисусова“ читается при этомъ „300 разъ съ поясными поклонами“,—„200“ разъ молитва: „Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго“ тоже „съ поясными поклонами“ (Богородичная)... Молятся обо всѣхъ живыхъ, объ умершихъ... „Правило“ издано специально „для ново-аѳонскихъ иноковъ“. Ежедневно молясь (при „исполненіи правила“), напр., объ усопшихъ старо-аѳонскихъ инокахъ—о. архимандритъ Макарій, іеросхимонахъ Іеронимъ..., ново-аѳонскіе насельники чрезъ то самое поддерживаютъ наиболѣе внутреннюю духовную связь со своею „метрополіей“, отпрыскомъ коей Новый Аѳонъ былъ и остается навсегда. Все это трогательно въ высшей степени...

по необходимости опускается келейный канонъ, то и въ этомъ случаѣ надо сказать духовнику о невольномъ несоблюденіи столь важнаго монастырскаго установленія...

О воздержаніи о. Іеронъ говорилъ, какъ о такого рода добродѣтели, которая нужна непременно для всѣхъ. Если же кто пожелалъ бы упражняться въ немъ выше требуемой отъ «средняго» инока мѣры, тотъ, разумѣется, имѣетъ полное право дѣлать это, но долженъ приучать себя постепенно, медленно, сообразуясь со своими силами и здоровьемъ..., благодаря Господа.

Лучшимъ чтеніемъ въ обители для всѣхъ безъ исключенія о. Іеронъ считалъ: Новый Заветъ, Псалтирь, творенія препод. Θεодора Студита, преп. Аввы Дорофея и т. под. Но нѣкоторымъ,—въ виду ихъ особаго душевнаго настроенія и склада, ихъ особой индивидуальности,—совѣтовалъ читать и всѣ вообще святоотеческія творенія. Самъ о. архимандритъ былъ широко и глубоко въ нихъ освѣдомленъ, проявляя свою особливую начитанность въ святоотеческихъ писаніяхъ на каждомъ шагу. Можно было предполагать, что онъ читалъ и творенія приснопамятнаго епископа Θεοφана—Затворника, такъ какъ иногда въ рѣчи о. Іерона слышались буквальные изреченія этого святителя (въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ тотъ и другой могли позаимствовать извѣстные выраженія... изъ третьяго источника, именно изъ древнихъ святоотеческихъ твореній). Газетъ—же ѿ вообще свѣтскихъ періодическихъ изданій,—говорилъ онъ,—я и самъ не читаю, да и другимъ не даю совѣта читать...

Бывали случаи, когда обычное равновѣсіе о. Іерона въ его отношеніяхъ къ другимъ нарушалось,—когда, напр., его ласковость и снисходительность, всегда его отличавшія, уступали мѣсто проявленіямъ совсѣмъ иного рода. Это неизмѣнно замѣчалось тогда, когда происходили болѣе или менѣе серьезныя упущенія, какія-либо нестроенія и пр. По отношенію къ виновникамъ этихъ нестроеній, упущеній... старецъ былъ иногда суровъ... и даже очень... Извѣстно много примѣровъ, подтверждающихъ это.

Такъ, въ одинъ ясный и знойный лѣтній день одному уже почтенному иноку понадобилось куда-то неотложно сбѣгать. Побѣжалъ онъ изъ обители, можно сказать, въ чемъ былъ: въ одномъ подрясникѣ, даже непоясанный ремнемъ. А въ воротахъ монастырскихъ какъ разъ на-встрѣчу ему идетъ ба-

тюшка—о. Іеронъ... Инокъ (такъ принято въ обители) падаетъ ему въ ноги и проситъ: благословите, батюшка! Богъ благословитъ,—слышится тихо въ отвѣтъ. Затѣмъ, цѣлуетъ инокъ десную руку батюшки... Словомъ, все шло по заведенному порядку и гладко... А что же ты безъ пояса,—вдругъ неожиданно и быстро спросилъ инока о. Іеронъ... И сейчасъ—же, но уже въ значительно приподнятомъ тонѣ, бросилъ ему рѣзкія слова: а...,—да ты въ одномъ только подрысникѣ?.. Бросилъ... эти слова, да и давай своею игуменскою палкою бить оплошавшаго..., да такъ усердно, что послѣднему пришлось обратиться въ поспѣшное бѣгство и въ постыдное предъ столь осязательными и слишкомъ убѣдительными доводами къ его вразумленію... Но гнѣвъ о. Іерона всегда,—какъ и въ настоящемъ случаѣ,—былъ справедливъ, и потому трудно было кому-либо обидѣться на батюшку..., и не обижались, конечно. И только-что упомянутый инокъ, послѣ полученнаго имъ «документальнаго» вразумленія, ни мало не разсердился на вразумившаго, но самъ—же съ улыбкой рассказывалъ другимъ о случившемся... и—мало того—какъ будто бы даже остался доволенъ тѣмъ, что удостоился отъ батюшки особаго предъ другими вниманія.. Да, дѣйствительно, особаго... и по дѣламъ!

Столь требовательный къ другимъ, когда дѣло касалось дисциплины, монашескаго долга..., о. Іеронъ прежде всего былъ требователенъ къ самому себѣ. Зная, что значить примѣръ и какъ всѣ иноки естественно ищутъ указаній и руководства для себя въ жизни своего игумена, о. Іеронъ вель очень «многотрудную» подвижническую жизнь, образцовую во-истину... Не мудрено, поэтому, что эккліасіархъ, приходившій къ нему обычно за четверть часа до звона къ утрени за церковными ключами и за благословеніемъ, всегда заставалъ его уже одѣтымъ. А нужно замѣтить, что звонъ къ утрени въ монастырѣ бываетъ: въ воскресные дни—въ половинѣ второго часа по полуночи, а въ прочіе дни—въ два часа ночи. Въ храмъ приходилъ о. Іеронъ всегда до начала полунощницы. По возгласѣ молитву: *«Царю Небесный»*... въ ново-аѳонской обители читаетъ самъ о. игумень, что о. Іеронъ постоянно и исполнялъ. Раннюю литургію въ «будніе» дни онъ во всю свою жизнь ежедневно служилъ самъ (какъ и дорогой Кропшадтскій батюшка—о. Іоаннъ), а когда бывалъ боленъ, то слушалъ ее въ кельѣ чрезъ слуховое окно, продѣланное въ

Вознесенскую церковь. Въ воскресные и праздничные дни позднюю литургію служилъ всегда самъ о. Іеронъ. Обычно приходилъ въ храмъ къ вечернѣ и повечерію (съ акаѳистами) ¹⁾... Вечеромъ запиралъ свою келью около 9 часовъ. Обѣдалъ всегда въ трапезѣ вмѣстѣ съ братією. Въ послѣдніе тоды совсѣмъ не употреблялъ вина, а пилъ только лишь чай... Воздержаніе его вообще было столь строгое, что, напримѣръ, въ великомъ посту его (совсѣмъ сухія) руки,—приходилось замѣчать,—обычно были холодны, какъ ледь.—до такой степени оскудѣвала въ нихъ кровь!.. Днемъ между церковными службами у о. Іерона не было свободныхъ минутъ: его постоянно куда-либо отвлекали,—и, посему, онъ имѣлъ возможность пользоваться лишь самымъ краткимъ только отдыхомъ... Въ самомъ дѣлѣ, не успѣетъ старецъ придти домой, какъ къ нему уже является «братія» съ различными своими нуждами, приходятъ посторонніе посѣтители, богомольцы... А кромѣ того, ему необходимо было читать дѣловыя письма, просматривать разныя бумаги, разбираться въ «строительныхъ» проектахъ, въ сложномъ монастырскомъ хозяйствѣ... На все это требовалось время... Иноки исполняютъ въ обители разныя «послушанія». Кому же было скорѣе всего руководить ими въ данномъ случаѣ, какъ не ему—о. игумену? И онъ руководилъ, слѣдя за иноческою жизнью. А сколько непрерывныхъ построекъ происходило при его жизни то тамъ, то здѣсь? И за всѣми ими нужно было слѣдить... Какъ опытный и рачительный хозяинъ, онъ и слѣдилъ,—всюду ежедневно ходилъ самъ въ будніе дни, наблюдалъ,—указывалъ... Развѣ можно было при такихъ условіяхъ думать о какомъ-либо отдыхѣ, хотя послѣдній былъ, разумѣется, и необходимъ о. игумену? И ночью приходилось о. Іерону спать немного..., немного тѣмъ болѣе, что онъ, какъ схимникъ, долженъ былъ, по сравненію съ прочими иноками не-схимниками, «держатъ двойной келейный канонъ», а кромѣ того, ему необходимо было, когда онъ служилъ литургію (а какъ часто служилъ,

¹⁾ Своими подвижническими трудами о. Іеронъ, по свидѣтельству его учениковъ, „стяжалъ себѣ потребность непрестанной молитвы“. Его „пламенная любовь къ Господу“ была столь сильна, что онъ ни о чемъ другомъ готовъ былъ бы не думать, какъ только и только о своемъ Создателѣ. Все это,—говорятъ ученики старца,—бросалось въ глаза всѣхъ...

объ этомъ уже было говорено), готовиться ко святому причащенію...

О, какъ долго и много могли бы говорить о приснопамятномъ старцѣ (если-бъ захотѣли) сотни его учениковъ—иноковъ, многочисленныя лица—«міряне», пользовавшіеся въ теченіе долготѣней его жизни его мудрыми совѣтами и драгоценнѣйшими указаніями!.. ¹⁾ Но, сколько бы Вы о нихъ ни говорили, никогда не удалось бы исчерпать всей глубины этихъ великихъ, рѣдко* посылаемыхъ на землю, замѣчательныхъ душъ... ²⁾

Много, долго, плодотворно на рѣдкость потрудился о. Іеронъ... Онъ достигъ уже преклонныхъ лѣтъ. Физическія силы естественно должны были ослабѣть. Результаты подвиговъ и трудовъ должны были сказаться... Поумѣрить бы себя о. Іерону въ тѣхъ и другихъ—въ непрерывныхъ подвигахъ и трудахъ... Но умѣренность, холодный расчетъ въ такого рода «вещахъ» ему были совершенно непонятны... И пришлось расплачиваться съ холодной, ничего не прощающей, за все требующей съ процентами расплаты, природой...

О. Іеронъ заболѣлъ... при исполненіи своихъ отвѣтственныхъ и многочисленныхъ обязанностей. По словамъ «*Аѳонской лѣтописи*» ³⁾, о. игуменъ «въ началѣ апрѣля» истекшаго 1912 года «началъ возводить постройку храма въ честь Божіей Матери на Иверской горѣ» («вблизи обители»). «Въ холодную, сырую погоду ему пришлось прожить здѣсь болѣе сутокъ почти подъ открытымъ небомъ, и онъ сильно простудился»... Болѣзнь его, по сообщенію журнала «*Русскій Инокъ*» ⁴⁾, на-

¹⁾ Чит. въ данномъ случаѣ его характеристику, напр., въ цитов. „12-мъ выпускъ“ „*Душеполезнаго Собесѣдника*“ за 1912 г. (декабрь), стр. 398—401... Особенно поучительны его бесѣды о перенесеніи обидъ, о грѣхѣ осужденія (интересенъ приводимый примѣръ изъ жизни одного чиновника на родинѣ о. Іерона), о трудѣ,—объ иноческомъ послушаніи и его значеніи и др. Ср. отчасти по мѣстамъ: у И. Н., у проф. А. А. Дмитріевскаго; въ цитов. „10-мъ выпускъ“ „*Душен. Собес.*“ за 1912 г. (октябрь): „*Аѳонская лѣтопись*“... Ср. отчасти и въ „*Православной Богословской Энциклопедіи*“; т. VI, СПб. 1905 г., col. 357—359...

²⁾ Здѣсь оканчиваются данныя рукописныхъ сообщеній объ о. Іеронѣ его учениковъ и пр. (заключенныя въ тетради: „*Къ рукописи*“...).

³⁾ См. цитов. 10-й вып. „*Душепол. Собесѣдн.*“ за 1912 г. (окт.), стр. 305.

⁴⁾ См. № 11 за 1912 г. (намъ доставлена выписка изъ номера).

чалась «съ 13-го апрѣля». Появились «сердечные припадки», при «сильномъ» (съ «кашлемъ») «колоть въ боку и одышкѣ». Положеніе было настолько серьезно, что всѣмъ уже представлялся въ ближайшемъ, можетъ быть, будущемъ печальный конецъ—какъ нѣчто неизбѣжное. Медицина, насколько она могла заявить себя тамъ—на Новомъ Аѳонѣ, оказалась безсильной и произнесла роковой приговоръ ¹⁾). Вся обитель была въ уныніи.

«18-го Апрѣля» были посланы двѣ телеграммы: одна «на Старый Аѳонъ», другая—въ Сухумъ къ епископу Андрею. «Просили помолиться» за тяжело больного. Въ отвѣтъ на телеграмму преосвященный Андрей «въ тотъ же день телеграммой» же спросилъ «подробностей» о положеніи о. Іерона и «изъявлялъ желаніе» лично явиться въ обитель къ больному, если только послѣдній «благословить»... [Сейчасъ-же послѣ этого, разумѣется, были отправлены «въ Сухумъ» монастырскія лошади, на которыхъ «Владыка и прибылъ» въ обитель «19 апрѣля» въ половинѣ третьяго часа дня. Прибытіе архипастыря «было большимъ утѣшеніемъ» для «старца», который глубоко обрадовался этому, «благодарилъ Владыку» за столь исключительное его вниманіе и «со слезами просилъ его святыхъ молитвъ». Преосвященный «утѣшилъ больного и остался въ монастырѣ ночевать, чтобъ» вмѣстѣ «съ братією помолиться за подвижника», столько сдѣлавшаго для обители. «Во время утрени 20 апрѣля» о. Іеронъ «изъявилъ желаніе пособороваться». Когда объ этомъ узналъ еп. Андрей, то «очень обрадовался и сказалъ: вотъ и хорошо; я самъ пособорую». Сейчасъ же было назначено и «время для елеосвященія»: непосредственно послѣ ранней литургіи». Извѣщена была, разумѣется, «и братія». И вотъ «къ шести часамъ собрались въ покояхъ болящаго старца всѣ, кому» только «было возможно. Предъ елеосвященіемъ» Владыка «выслушалъ исповѣдь» о. Іерона, послѣ чего и «началось соборованіе» (участвовали—самъ «Владыка, 6 іеромонаховъ и 3 іеродіакона»). «Капонъ читалъ» еп. Андрей глубоко-прочувствованно, при чемъ и самъ проливалъ невольныя слезы, и слезы же вызывалъ и у присутствовавшихъ: и рѣдкостное чтеніе, и содержаніе канона—все благопріятствовало тому... «Особенно» усилился плачъ присутствовавшихъ «послѣ прочтенія Владыкою конечной молитвы съ раскрытымъ

¹⁾ Ibidem.

Евангеліємъ надъ головой болящаго, поддерживаемаго священно-служащими». Самъ о. Іеронъ «весь въ слезахъ, поддерживаемый фельдшеромъ и однимъ изъ іеромонаховъ,—не смотря на свою слабость,—быстро сдѣлалъ три поклона, положенныхъ въ заключеніе чина соборованія», и «трижды же смиренно и съ сокрушеннымъ» сердцемъ сказалъ: «святитель Христовъ! Отцы и братія! Благословите и простите меня грѣшнаго»!.. ¹⁾

Глубоко почитавшій больного «преосвященный вслѣдъ за этимъ обратился къ» нему съ «слезной» просьбой: «дорогой нашъ батюшка, скажите что-нибудь намъ на спасеніе души». «Старецъ, не переставая плакать, дрожащимъ голосомъ сначала тихо, а потомъ» громче и громче, «очень ясно началъ говорить: Владыка святой, прошу Васъ: будьте отцомъ обители»!.. А «васъ, братія, прошу: прежде всего имѣйте любовь и страхъ Божій; не ищите незаконно, подпольными происками чести, старшинства, власти; подчиняйтесь властямъ, Богомъ поставленнымъ, и чтите старцевъ... Подпольныя домогательства не поведутъ» къ добру. «Идите праведнымъ путемъ, чтобъ совѣсть ваша всегда была чиста и ни въ чемъ васъ не укоряла. Только тогда у васъ будетъ легко на душѣ. Вотъ и я—грѣшный, что я—такое..., кто я—такой? А Господь меня благословилъ»: помогъ на-виду предъ всѣми вами «благоустроить» обитель. «И за что»? По «молитвамъ святыхъ отцовъ», по «молитвамъ моего старца—батюшки о. Іеронима». Послѣдній «всегда говорилъ: если въ обители храпятся братская любовь и страхъ Божій», она—«обитель» наслаждается «миромъ и преисполняется всѣхъ благъ. А какъ только начинаются» среди «братія самоволіе, непокорность..., Богъ отнимаетъ» отъ нея «Свое благословеніе. И знайте, что обитель наша строилась и строится особеннымъ провидѣніемъ Божиимъ и на ней почиваетъ благодать Божія. Видите» сами; «что» возникло «за короткое время»? Помню: «старецъ о. Іеронимъ говорилъ мнѣ: тебѣ, о. Іеронъ, Господь Богъ и Царица Небесная судили строить обитель, а жить въ ней послѣ тебя будутъ. И скорбей тебѣ будетъ много, но не ослабѣвай въ терпѣніи, а трудись неослабно до конца» ²⁾... Батюшку всѣ слушали съ напряженіемъ, не проронили ни одного его слова...

«Указывая на намѣстника обители—о. Иларіона», о. Іеронъ «сказалъ: а этого великаго труженика оставляю» своимъ «за-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

мѣстителемъ; почитайте и уважайте его: онъ трудится больше меня»... «Я»,—продолжалъ старецъ,—«вспыльчивъ и иногда» не могу «сдержать» себя: «накричу на иного, укорю его, если знаю какую-либо «его вину»... «За это прошу простить меня, грѣшнаго... Знайте, что «я не имѣлъ зла ни на кого. Я всегда былъ радъ вашему исправленію, вашей доброй жизни. Не поблажалъ я вашимъ» слабостямъ, «но», тѣмъ не менѣе, «любилъ васъ. Кого я наказывалъ, всегда болѣлъ о немъ душою и прощалъ... чистосердечно. Простите..., если я что-либо дѣлалъ и говорилъ съ раздраженіемъ». Вѣдь я имѣлъ въ виду въ такихъ случаяхъ «не мстить» тому или иному, «но исправить» его «духовную жизнь... А вотъ онъ—о. Иларіонъ—при своемъ великодушіи и терпѣніи—все дѣлалъ спокойно и могъ успокоить всякаго... Васъ, Владыка, прошу назначить» на мое мѣсто «этого труженика», который и «много потрудился», и «обо всемъ умѣлъ подумать, и сдѣлать все, что» требовалось «для обители. Спаси его, Господи, за послушаніе... Онъ все переносилъ съ терпѣніемъ, безропотно и никогда не» проявлялъ «предо мною» даже и чего-либо, похожаго на «гнѣвъ или неудовольствіе»... Еще разъ «прошу: простите меня—грѣшнаго—за все и помолитесь!» При этихъ словахъ батюшка «сдѣлалъ поясной поклонъ». Послѣ того думали «унести его въ креслѣ въ спальню», но было трудно сдѣлать это: «растроганная словами батюшки братія», опечаленная сознаніемъ, «что слышитъ» уже «его послѣднее *прости*», еще «долго тѣснилась около него»..., всѣ «другъ за другомъ со слезами падали передъ нимъ ницъ» и «просили его прощенія и молитвъ. А батюшка съ любовію благословлялъ всѣхъ», при чемъ «особое вниманіе» свое «обращалъ на тѣхъ», кто когда-либо за что-нибудь получилъ его «замѣчаніе»... Въ такихъ случаяхъ о. Іеронъ «первый говорилъ: прости меня, отецъ»... «Простите, - слышалось» обычно въ отвѣтъ «отъ цѣловавшихъ—съ рыданіемъ благославлявшую десницу старца»... Но вотъ больного «положили на кровать»... Лежа на ней, «онъ почти немолчно повторялъ» «со слезами» «въ умиленно-радостномъ» состояніи: «слава Тебѣ, Господи!.. Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Царица Небесная!» «Долго»—долго «и послѣ повторялъ онъ эти слова»... Радовался, благодаря Бога за все... Когда «послѣ соборованія» фельдшеръ спросилъ батюшку: «какъ онъ себя чувствуетъ»,—послѣдній отвѣтилъ:... «стало лучше... Господь посѣтилъ Своею великою благодатію меня грѣшнаго... Хорошо стало. Слава

Тебѣ, Господи! Господь исцѣлитъ»... И это были не одни только слова больного: онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ на видъ «бодръе»,—«въ этотъ же день сталъ ходить», между тѣмъ какъ дотолѣ «лежалъ въ постели; сердечные припадки» исчезли,—«исчезла и боль въ боку,—прекратился жаръ; появился аппетитъ, улучшился сонъ»... Появились у всѣхъ надежды и на «полное выздоровленіе» больного и всѣмъ дорогого батюшки..., котораго во время его болѣзни обычно смущала мысль, что онъ беспокоитъ другихъ, отвлекаетъ ихъ отъ ихъ дѣла и пр., заставляя «ухаживать» за собою. Посему «ухаживавшимъ за нимъ часто приходилось отъ него слышать: я васъ затруднилъ,—идите—отдохните»!.. А между тѣмъ они вовсе не тяготились заботами о своемъ о. игуменѣ, «считая», наоборотъ, «великимъ» для себя «счастьемъ, что Господь удостоилъ ихъ ухаживать за великимъ старцемъ, и весьма радовались» тому, «что» въ это время «имѣли возможность слушать его душевнспасительныя наставленія», столь имъ дорогія и столь для нихъ цѣнныя. «Келойникъ» старца—«о. Никодимъ» и доселѣ «со слезами воспоминаетъ» о времени своей службы у о. Іерона. «Господи Боже мой»,—говоритъ онъ,—«какой я счастливый, что сподобился быть при батюшкѣ неотлучно» въ теченіе «нѣсколькихъ лѣтъ! Никогда-то онъ не укорилъ меня ни въ чемъ,—всегда и всѣмъ былъ доволенъ», хотя «съ моей стороны иногда было и много упущеній» всякаго рода»...

И такъ, весной миновала опасность потерять о. игумена... Богъ спасъ его... ¹⁾.

Но уже ясно было, что дѣятельность о. Іерона, какъ игумена устроенной имъ обители, окончилась. Сознавалъ это и самъ онъ. Понималъ, что настала пора ликвидировать свои дѣла по управленію монастыремъ. Посему «26 апрѣля и подалъ рапортъ въ Св. Синодъ», прося о назначеніи преемникомъ своимъ о. Иларіона, который, такимъ образомъ, могъ бы занять его мѣсто еще до смерти своего предшественника и, подъ руководствомъ послѣдняго, съ успѣхомъ начать свое управленіе обителью. Просьба о. Іерона была уважена. «Указомъ отъ 5 мая» 1912 г. «Св. Синодъ опредѣлилъ: 1) освободить» старца, «согласно его просьбѣ, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію, отъ должности настоятеля... монастыря..., съ оставленіемъ его въ обители старцемъ—духовнымъ

¹⁾ Ibidem.

руководителемъ братіи, на покоѣ; утвердить въ должности настоятеля... нынѣшняго намѣстника... іеромонаха Иларіона...— и 2), во вниманіе къ понесеннымъ архимандритомъ Іерономъ трудамъ по устроенію Ново-Аѳонской обители и мудрому управленію оной, преподать ему благословеніе Св. Синода» ¹⁾).

«Во исполненіе» синодскаго опредѣленія «было совершено 11 іюня поставленіе о. Иларіона настоятелемъ» обители «съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита». «По окончаніи обряда Владыка» (еп. сухумскій Андрей), новый настоятель монастыря и «братія отправились въ покои о. Іерона». Послѣдній, «очень слабый, прерывающимся голосомъ поблагодарилъ Владыку» за его отношенія къ обители и къ нему—старцу «и просилъ быть и впредь отцомъ» ея, послѣ чего преподаль наставленіе своему преемнику и братіи (блюсти «завѣты старцевъ—архимандрита Макарія и духовника іеросхим. Іеронима»—аѳонскихъ, «твердо держаться чина старо-аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, хранить миръ между собою...»), «испросилъ у всѣхъ за все прощеніе» и поклонился въ землю. Это «прощаніе еле дышущаго, престарѣлаго, всѣми глубокоуважаемаго и любимаго игумена и духовнаго отца со своими чадами вышло очень трогательнымъ и у многихъ вызвало слезы»... ²⁾

Отнынѣ о. Іерону осталось одно—«готовиться къ переходу въ вѣчность»... Трогательно описываются въ «*Аѳонской летописи*» ³⁾ послѣдніе дни жизни этого старца... «Послѣднія силы быстро угасали. Онъ уже никуда не выходилъ. Недѣли за двѣ до кончины... онъ не принималъ почти никакой пищи, только иногда могъ выпить полчашки чаю, да немного миндальнаго молока. . Не задолго до» смерти своей старецъ «сталъ ежедневно пріобщаться Св. Христовыхъ Тайнъ, отказываясь» уже отъ всего прочаго и лишь «изрѣдка употребляя одну св. воду»... О. Іеронъ нетерпѣливо ждалъ прибытія въ обитель преосвященнаго Андрея, который, наконецъ, пріѣхалъ «13-го» августа, чему старецъ очень и очень обрадовался. «Истово осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ», онъ все «повто-

¹⁾ Цитов. „выпускъ 10-й“ „*Душепол. Собесѣдника*“ за 1912 г. (окт.): „*Аѳонская Летопись*“.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Цитов. 12-й выпускъ „*Душепол. Собесѣдника*“ за 1912 г. (декабрь).

рялъ: слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!.. Епископъ немедленно же — «прямо съ пути навѣстилъ» дорогого больного, который, чувствуя приближеніе своей кончины, «попросилъ Владыку прочесть ему отходную». Да и пора была: «всѣ, даже» наиболѣе энергичныя, «медицинскія средства становились уже бесполезны. Поговоривъ со старцемъ наединѣ, преосвященный прочесть канонъ на исходъ души и разрѣшительную молитву». Не имѣя возможности дольше оставаться на Новомъ Аѳонѣ, онъ затѣмъ уѣхалъ въ Сухумъ. А больной старецъ въ теченіе «всего этого дня и слѣдующаго» находился какъ будто въ полузабытѣ, но замѣтно» все же «было, что» и въ эти часы «его не оставляло молитвенное горѣніе духа, потому что иногда онъ истово крестился». «Утромъ 14-го августа» старецъ «пріобщился Св. Тайнъ, вечеромъ выслушалъ вечерню и акаѳистъ Божіей Матери». Наканунѣ Успеньева дня служилась въ обители торжественная всенощная... Былъ уже «одиннадцатый часъ ночи»... Старецъ съ минуты на минуту ожидалъ своей кончины и потому «сталъ просить, чтобы для него отслужили раннюю литургію въ Вознесенскомъ храмѣ, откуда въ его келью» продѣлано «слуховое окно... Но ему сказали, что еще нѣтъ полуночи» и что нельзя «совершать литургію». Посему онъ пріобщился «запасными Св. Дарами, передъ тѣмъ, по его желанію, одѣтый въ великую схиму и эпитрахиль». По пріобщеніи «Св. Тайнъ, о. Іеронъ принялъ немного размоченнаго въ св. водѣ антидора, перекрестился, попросилъ снять» съ него «эпитрахиль и легъ въ постель. Духовникъ сталъ читать» обычныя «благодарственныя послѣ пріобщенія молитвы» и «лишь только закончилъ *Нынѣ отпущаеши*...», какъ «умиравшій старецъ едва слышнымъ голосомъ попросилъ опять посадить его на кровати»... и «въ такомъ положеніи» съ обращеннымъ «къ востоку лицомъ» и со «взоромъ», «сосредоточенно» устремленнымъ «на св. крестъ, бывшій въ рукахъ его духовника, о. Іеронъ тихо, мирно почилъ о Господѣ вѣчнымъ сномъ праведника... «Замѣчательно», — прибавляетъ *Аѳонская лѣтопись*, — «что и въ соборѣ на всенощномъ бдѣніи въ это время пѣли *Нынѣ отпущаеши*»... ¹⁾

Не стало великаго старца, бывшаго душею созданной имъ обители, ея отцомъ, руководителемъ, хранителемъ... Съ его

¹⁾ Ibidem.

смертью стало какъ-то пусто, неуютно... Но случилось вѣдь неизбежное, съ чѣмъ приходилось мириться по необходимости и отъ чего никто изъ людей уйти не можетъ и не уйдетъ... Но все же грустно, грустно было сознать, что не встанетъ болѣе этотъ столпъ православія, этотъ непреодолимый адамантъ,—что изъ устъ его не услышать болѣе его пламенныхъ рѣчей въ защиту Христовой вѣры, въ обличеніе нечестія, безбожія, лжи, низкопоклонства...

Погребеніе старца совершено 18-го числа. Наканунѣ «преосвященнымъ Андреемъ было» отслужено «въ обители заупокойное бдѣніе». Въ день погребенія «заупокойная литургія началась въ 6 ч. утра». Служилась торжественно преосвященнымъ же, при участіи «сома священнослужителей». Всѣ, кто только узналъ о кончинѣ старца и кто только имѣлъ возможность прибыть въ обитель къ отпѣванію его, явились..., явились во множествѣ... и «русскіе», и «абхазцы»... Въ произнесенныхъ рѣчахъ (епископа Андрея, о. Иларіона и одного священника, о которомъ чит. ниже) краснорѣчиво выяснено было значеніе почившаго о. Іерона для обители, для всего края, убѣдительно раскрыто было, какую потерю съ его кончиною несъ Ново-Аѳонскій монастырь и пр. ¹⁾

Но вотъ окончилась литургія, — окончилось отпѣваніе... «Гробъ съ останками почившаго былъ обнесенъ вокругъ собора, и погребальная процессія, при чудной, ясной погодѣ, при неумолкаемомъ нѣніи *Святый Боже*, слизавшемся съ грустнымъ колокольнымъ трезвономъ всѣхъ монастырскихъ храмовъ, длинною вереницею тихо двигалась маслянымъ садомъ, направляясь отъ нагорнаго монастыря къ нижнему, а оттуда къ храму св. Апостола Симона, близъ коего на указанномъ самимъ о. Іерономъ мѣстѣ... нашло вѣчное упокоеніе его приутружденное многолѣтними» подвигами «тѣло».

¹⁾ Ibidem.—Въ моемъ распоряженіи—двѣ присланныхъ мнѣ рукописныхъ рѣчи: одна о. Павла Образцова и другая—о. архимандрита Иларіона. Написанныя съ чувствомъ, проникнутыя глубокою любовію ихъ авторовъ къ почившему—онѣ съ достаточною полнотою исчерпываютъ свои темы. Авторы, видимо, не только знали о. Іерона, не только понимали его дѣятельность, но и всячески старались, чтобъ поняли почившаго и всѣ прочіе... Цѣли своей они достигли. При случаѣ благопріятномъ надѣюсь отпечатать ту и другую рѣчи, въ назиданіе всѣхъ любителей благочестиваго чтенія, въ поученіе ихъ... и въ память незабвеннаго о. Іерона, всякая строка о которомъ должна быть дорогою для всѣхъ, способныхъ оцѣнить этого необыкновеннаго дѣятеля и подвижника...

«Погребеніе окончилось въ 12 часовъ»... Старый Аѳонъ, телеграммой извѣщенный о блаженной кончинѣ старца, именно Пантелеимоновъ монастырь «совершилъ соборную панихиду», повторенную «въ 9-й и 40-й дни памяти почившаго, чѣмъ и выразилъ по отношенію къ послѣднему заслуженное имъ вниманіе. Кромѣ того, «всѣ иноки обѣихъ обителей въ теченіе сорока дней на своемъ келейномъ правилѣ возносили о почившемъ заупокойныя молитвы» («по заповѣди старцевъ и уставу обители» Ново-Аѳонской «правило это исполняется о каждомъ умершемъ изъ братіи»)... ¹⁾

Кончина о. Іерона глубоко опечалила всѣхъ его знавшихъ. Какъ только вѣсть о ней разнеслась по всѣмъ концамъ Руси святой, отовсюду горячо откликнулись на нее..., откликнулись люди всѣхъ званій, состояній..., направленій, настроеній.

Такъ, въ августѣ 1912 года о. архимандритомъ Іларіономъ были получены сочувственныя телеграммы (по кончинѣ о. Іерона): изъ Петергофа отъ принца А. Ольденбургскаго и Его Супруги; изъ Кіева—отъ митрополита Флавіана; изъ Москвы—отъ митрополита Владиміра (нынѣ С.-Петербургскаго и Ладожскаго); изъ С.-Петербурга—отъ оберъ-прокурора Св. Синода—В. К. Саблера; изъ Тифлиса—отъ экзарха Иннокентія; изъ Ставрополя губерн.—отъ архіепископа Агаѳодора; изъ Калараша—отъ архіепископа Кипшиневскаго Серафима; изъ Ессентукъ—отъ епископа Никона (нынѣ архіепископа, Члена Св. Синода); изъ Рязани—отъ епископа Димитрія; изъ Балты—отъ еп. Амвросія; изъ Тифлиса—отъ г. Архипова; изъ Новороссійска—отъ протоіерея Гофмана; изъ Гагръ—отъ г. Шульгина; изъ С.-Петербурга—отъ г. Рафаловича.

Въ телеграммахъ этихъ оплакивали о. Іерона, какъ «пастыря Церкви», «драгоценнаго совѣтника», «насадителя отечественной культуры», «великаго труженика», «настоящаго русскаго человѣка», «великаго старца», «дорогого отца», «подвижника», «всю жизнь, всѣ силы... отдавашаго на устроеніе святой обители», какъ «примѣръ трудолюбія», «великій столпъ монашества», «великаго ученика великихъ старцевъ», «выдающагося по уму и святости»... Его кончину считали «невознаградимою потерей не только для обители, но и для всѣхъ»..., для всего «православнаго міра», лишившагося такого «свѣтоноснаго земнаго ангела»... При этомъ нѣкоторые

¹⁾ Ibidem.

лица посылали по три телеграммы, желая узнать о времени отпѣванія старца ¹⁾...

Прекрасныя строки посвящены о. Герону въ «*Церковныхъ Вѣдомостяхъ*» (1912 г., № 35: статья архіеп. Пикона, члена Св. Синода: «*Вѣрный послушникъ Матери Божіей*»; его же статья въ № 36: «*Кончина и погребеніе о. архимандрита Герона*»), въ «*Кавказскомъ Благовѣстникѣ*» (1912 г., № 11, статья: «*Громадная потеря для русскаго монашества*»; № 13, статья: «*Кончина великаго Кавказскаго старца*»), въ журн. «*Воскресенье*» (1912 г., № 189; статья Е. Поселянина: «*Два крестьянскихъ самородка*») и во многихъ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Даже такія изданія, какъ газета «*Петербургскій Листокъ*», которая въ свое время (въ дни монашескаго съѣзда) пыталась ²⁾ всячески уколоть о. Герона (о немъ-де «прошлой зимой писали»,—читаемъ въ № 183-мъ «*Листка*» отъ 7 іюля 1909 г.,—«что онъ устроилъ у себя въ обители... казематъ, гдѣ держалъ неугодившихъ ему монаховъ по 40—60 и даже 90 дней на хлѣбѣ и на водѣ, заставляя спать на голомъ полу»...),—и тѣ по смерти старца отзывались о немъ съ похвалами необычайными (онъ-де былъ «великій труженикъ»: благодаря ему, «монастырь сталъ культурнѣйшимъ уголкомъ всего Черноморскаго побережья»; «что сдѣлано при о. Геронѣ, это какая-то волшебная сказка»; «молитва и трудъ—вотъ вся жизнь о. Герона»; онъ былъ «удивительнымъ свѣтильникомъ вѣры, удивительно цѣльнымъ человѣкомъ»; «вѣра и непрерывный трудъ» его «въ буквальномъ смыслѣ слова сдвигали горы Кавказа» и т. д.: см. за 1912 г. № 225 отъ 17-го августа; статья В. П.—ва «*Архимандритъ о. Геронъ*»). Это—во истину знаменательно и въ высшей степени краснорѣчиво!.. ³⁾

¹⁾ Текстъ телеграммъ напечатаю при благопріятныхъ условіяхъ когда-либо специально.

²⁾ Насколько помнится, рукою разстриги-священника.

³⁾ Но, конечно, напрасно было бы искать свѣдѣній объ о. Геронѣ въ такихъ, напр., изданіяхъ, каково: «*Энциклопедическій Словаръ*» Брокгауза-Эфрона. Смотрѣлъ я здѣсь подѣ словомъ „Геронъ“, подѣ словомъ „Гіеронъ“, даже подѣ словомъ „Васильевъ“,—но—увы!—тщетно, а въ „со-нахъ“, „бергахъ“ и пр. недостатка, конечно, не было. На то и русская Энциклопедія въ поученіе нашей публикѣ, выходящая нынѣ уже 2-мъ изданіемъ. О „Новомъ Авоиѣ“ дано лишь нѣсколько не всегда вѣрныхъ строкъ (41-й полут., стр. 304. СПб. 1897 г.)..., меньше, чѣмъ тутъ же по сосѣдству (стр. 303—304) о никому ненужномъ „Новрузѣ“... Даже у г. Де-

Торжественно похоронили великаго старца. До самой могилы сопровождалъ его прахъ самъ преосвященный Сухумскій... Воздали почившему, словомъ, все, что только могли... Снова потекла въ обители обычная труженическая жизнь, подвижническая..., жизнь въ молитвѣ, постѣ.. Быстро протекли и 40 дней...

Въ сороковой день по кончинѣ о. Іерона (т. е., 22-го сентября 1912 г.) въ обители было совершенно торжественное его поминовение ¹⁾. Наканунѣ была отслужена заупокойная всенощная (съ 7 часовъ веч. до полуночи), а 22-го числа заупокойная литургія. Литургію совершали въ древнемъ храмѣ св. Апостола Симона Кананита, около котораго, какъ и сказано, погребенъ о. Іеронъ (въ разстояніи 7—8 аршинъ отъ южной стѣны). Епископъ Андрей, въ это время обозрѣвавшій свою епархію, прислалъ вмѣсто себя въ качествѣ представителя—Сухумскаго Каѳедрального Протоіерея о. Георгія Голубцова. Въ совершеніи литургіи участвовали: о. архим. Иларіонъ, о. Голубцовъ и 5 іеромонаховъ, а въ панихидномъ служеніи, кромѣ того, еще 13 іеромонаховъ.

Предъ панихидой о. Протоіерей сказалъ слово. Въ немъ ораторъ, хорошо знавшій почившаго старца за время свыше 17-и лѣтъ, ярко охарактеризовалъ его не только какъ инока высокой и праведной жизни, но и какъ выдающагося чловѣка вообще съ великой душой и необычайнымъ умомъ. Обративъ вниманіе слушателей своихъ на тѣ дивныя, грандіозныя, сложныя постройки и сооруженія монастырскія, какія возникли при о. Іеронѣ и вызываютъ удивленіе и восторгъ даже специалистовъ, о. Протоіерей выяснилъ, что всѣ они—дѣло ума покойнаго настоятеля обители. Особо отмѣтилъ о. Протоіерей и пламенную любовь о. Іерона къ Старому Аѳону, воспитавшему иноческій его духъ,—къ великимъ Аѳонскимъ старцамъ—о. Іерониму и о. Макарію... Любилъ, бывало, рассказывать о Старомъ Аѳонѣ о. Іеронъ,—вспоминалъ ораторъ,—

нисова (см. его „Православные монастыри Россійской Имперіи“; Москва, 1908 г.) въ параграфѣ о „Ново-Аѳонскомъ“ монастырѣ есть рѣчь и о „пристанѣ“, и о „медицинѣ“, и о „скотномъ дворѣ“, но ни-единого слова объ основателѣ обители—о. Іеронѣ (стр. 367—369; хорошо, что здѣсь указана нѣкоторая литература о монастырѣ)...

¹⁾ Объ этомъ сообщаю на основаніи полученной мною собственноручной замѣтки о. *Георгія Ст. Голубцова*, прот. Сухумскаго Каѳедрального Собора.

говорить о великихъ Аѳонскихъ подвижникахъ. Воспоминанія объ Аѳонѣ—это была одна изъ самыхъ любимыхъ темъ о. Іерона. Разказы, бывало, рѣкой льются изъ устъ старца... Слушаешь его и видишь, чувствуешь неотразимо, какъ любилъ онъ своихъ старшихъ, воля которыхъ была для него священна, какъ воля Божія... Какъ крѣпко хранилъ онъ и проводилъ въ жизнь завѣты старцевъ,—какъ крѣпко навывъ онъ смиренію и послушанію!.. Изъ послушанія онъ покинулъ свою «родную» святую Гору Аѳонскую, явился сюда—на Черноморское побережье, въ это дикое, безлюдное, отдаленное отовсюду мѣсто, гдѣ не было слышно не только ни одного русскаго слова, но и вообще человѣческаго голоса... Гдѣ нынѣ красуется величественная Ново-Аѳонская обитель, тамъ, въ моментъ прибытія съ Аѳона о. Іерона, росъ непроходимый дѣвственный лѣсъ и было обиталище лишь дикихъ звѣрей.. Умѣлъ повиноваться батюшка...,—потому-то онъ умѣлъ и столь хорошо повелѣвать и управлять другими. Ново-Аѳонская обитель, насчитывающая у себя до 600 человѣкъ братіи, вся—какъ одинъ человѣкъ—слушалась своего игумена безпрекословно. Безъ благословенія его насельники обители не могли ступить и шагу. Здѣсь всюду—желѣзная монастырская дисциплина, все живетъ по строгому аѳонскому уставу... И только строгимъ исполненіемъ послѣдняго, т. е., устава монастырскаго, и можно объяснить столь быстрое и, можно сказать, небывалое въ лѣтописяхъ русской Церкви возрастаніе Ново-Аѳонской обители, въ какихъ-нибудь 35 лѣтъ такъ расцвѣтшей, украсившейся..., заслужившей такое уваженіе отъ всѣхъ, кто хоть разъ въ ней побывалъ...,—удивительной въ лучшемъ смыслѣ слова... Всего этого батюшка о. Іеронъ достигъ не тѣмъ только, что онъ всегда былъ въ собственномъ смыслѣ настоятелемъ монастыря, а главнымъ образомъ другимъ средствомъ: тѣмъ, что самъ былъ *живою книгою* устава монастырскаго,—въ образѣ своей жизни онъ ни въ чемъ, ни въ одной іотѣ не отступалъ отъ этого устава. Настоятельствую въ такой благоустроенной обители, онъ жилъ, однако, очень скромно, какъ простой монахъ: ходилъ въ самой простенькой черной ряскѣ, и ее не считая своею собственною, а лишь монастырскою, трапезовалъ всегда вмѣстѣ съ братіей и никогда не измѣнялъ этому обыкновенію. Даже когда посѣщали обитель іерархи и приглашали его съ собою откусать, и тогда онъ сначала, бывало, потрапезуетъ съ братіей и лишь потомъ явится на званный обѣдъ,—впро-

чемъ, не для того, чтобы кушать, а—чтобы занимать дорогихъ гостей своими неистощимыми разсказами о жизни великихъ старцевъ Аѳонскихъ... Каждый день, бывало, батюшка обойдетъ своими старческими ногами всѣ мѣста, гдѣ производились какія-либо работы..., и при этомъ уже ничто не ускользало отъ его зоркаго ока... И наградила же Господь старца за его преданность своему дѣлу, за его подвиги...: на старости лѣтъ онъ утѣшался сознаніемъ, что его дѣло процвѣтало, что обитель—созданіе его рукъ—прославилась на всю Русь православную, стала извѣста далеко и широко и, при томъ, съ наилучшихъ своихъ сторонъ. И идутъ теперь сюда со всѣхъ концовъ нашей обширной родины православные русскіе люди, чтобы отдохнуть здѣсь душой, забыться отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ, помолиться въ обительскихъ храмахъ, гдѣ такъ уставно, такъ благолѣпно совершаются службы Божіи... Такъ говоритъ о. Голубцовъ... Въ концѣ своего слова онъ обратился къ братіи обители съ призывомъ крѣпко хранить, изъ любви къ почившему старцу, монастырскій уставъ и преданія Аѳонскихъ старцевъ, не отступать отъ нихъ ни въ чемъ, даже и въ мелочахъ, твердо помня, что только уставомъ своимъ и своими Аѳонскими порядками и крѣпка и сильна Ново-Аѳонская обитель, что только ими она можетъ держаться и впредь...

Панихида была отслужена въ храмѣ св. Ап. Симона, а около могилы о. Іерона—литія...

Былъ чудный солнечный день. Вся могила была усыпана живыми цвѣтами, принесенными сюда благочестивыми паломниками—духовными дѣтьми почившаго батюшки. Но вотъ сонмъ окружавшихъ дорогую могилу священнослужителей запѣлъ вмѣстѣ съ монастырскимъ хоромъ *«Вѣчную память»*... Получилось неизгладимое впечатлѣніе... Вѣрилось, хотѣлось вѣрить, что пока будетъ существовать Новый Аѳонъ,—пока будетъ существовать на св. Руси монашество...,—до тѣхъ поръ имя о. Іерона—этого столпа современнаго иночества—будетъ вѣчно воспоминается, какъ имя великаго подвижника и чловека глубокаго ума. Вѣчная ему память!.. ¹⁾

Пишу эти строки въ полугодовой день по кончинѣ великаго старца... Случайное совпаденіе..., но мнѣ оно не кажется

¹⁾ Здѣсь оканчиваются данныя, сообщенныя достопочтеннымъ о. Голубцовымъ.

таковымъ. Я какъ бы вижу предъ собою тѣнь знаменитаго Ново-Аѳонскаго дѣателя, память котораго—славную, достохвальную мнѣ привелось хоть немного почтить моими скромными страницами... Я выполнилъ долгъ, какой лежалъ на мнѣ по отношенію къ созидателю Кавказской обители..., — лежалъ за тѣ часы глубокаго и полнаго духовнаго удовлетворенія, которые я пережилъ не разъ, читая и слыша объ этомъ рѣдкомъ въ наши дни мужѣ... Хотѣлось бы подражать ему хотя бы отчасти,—хотя-бы лишь издали и робко идти по его пути...

Выросла Ново-Аѳонская обитель... на нашихъ, можно сказать, глазахъ. Выросли за это время на Руси святой и иныя обители... Пусть растутъ и другія, пусть еще и еще!.. А существующія да крѣпнуть и расцвѣтають..., сохраняя отеческія преданія, православную вѣру Христову,—защищая ее отъ навѣтовъ «вражескихъ», отъ слугъ діавола...,—зажигая искру Божію во всѣхъ, кто съ ними—этими обиталищами иноческими—входитъ въ соприкосновеніе!.. Пусть въ нихъ отдыхаютъ обремененныя житескою суетою и невзгодами мірскими души...,—пусть набираются въ нихъ силъ и энергіи для жизненной борьбы!..

О, какъ хотѣлось бы побывать на Новомъ Аѳонѣ и поклониться священной могилѣ, скрывающей прахъ великаго старца! Посмотрѣть на знаменитую обитель..., помолиться въ ея храмахъ!.. Но придется ли?!..

Профессоръ А. Бронзовъ.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки